

1968 год.

«Пражская весна»: 50 лет спустя.

Очерки истории

Коллектив авторов

**1968 год. «Пражская весна»:
50 лет спустя. Очерки истории**

«Нестор-История»

2021

УДК 94
ББК 63.3(4)

Коллектив авторов

1968 год. «Пражская весна»: 50 лет спустя. Очерки истории /
Коллектив авторов — «Нестор-История», 2021

ISBN 978-5-4469-2006-8

Очерки посвящены событию-символу, определившему жизнь и ценности нескольких последующих поколений. Полвека назад военными методами в Чехословакии была пресечена попытка придать коммунистическому движению новый импульс, соединив социалистические ценности с рациональной рыночной экономикой и механизмами развитой демократии. Книга является результатом коллективного труда российских, чешских и румынских историков, архивистов, культурологов и литературоведов, попытавшихся на новых документах и материалах переосмыслить с позиций сегодняшнего дня события полувековой давности и их уроки. Объективно «Пражская весна» — уже прошлая эпоха, но она остается знаковым событием, а многие поднятые ею проблемы актуальны и в наши дни. Авторы надеются, что смогут способствовать приращению знаний о теперь уже не близком 1968-м, помочь проанализировать опыт прошлого во имя будущего. Для специалистов по истории и культуре Центрально-Восточной Европы, студентов высших учебных заведений и всех интересующихся историей XX столетия. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94
ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-4469-2006-8

© Коллектив авторов, 2021

© Нестор-История, 2021

Содержание

К читателю	7
I. Размышляя о «Пражской весне»...	12
Эмил Ворачек	12
Тимур Агабаевич Джалилов	18
Ян Рыхлик	27
Анатолий Семенович Аникеев	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Коллектив авторов
1968 год
«Пражская весна»:
50 лет спустя
Очерки истории
Сборник статей

* * *

- © Коллектив авторов, 2021
- © Институт славяноведения РАН, 2021
- © П. К. Донской, дизайн обложки, 2021
- © Анна Ширльбауэр, Ян Гроссманн, фото на обложке, 2021
- © Издательство «Нестор-История», 2021

К читателю

1968 год – одна из знаковых вех XX столетия. В истории случались и другие духовно-подъемные годы, но именно 1968-й, венчая бурные шестидесятые, определил жизнь и ценности нескольких последующих поколений. «Самовозгоранием мятежного духа по всему миру» назвал это время американский писатель-публицист Марк Курлански¹. Отмеченное глобальным протестом против войны во Вьетнаме и возникшими на антивоенной основе диссидентскими движениями, оно явилось пиком принявшей международный размах борьбы народов за национальный суверенитет, за демократизацию и гуманизацию в политике и социальных отношениях, за расовое и тендерное равноправие.

Повсеместно проявилось увлечение различными левыми, в том числе социалистическими, и левацкими идеями. Стремительно росли ряды сторонников установления насильственным путем «власти черных» в Соединенных Штатах Америки, что обозначило национальную специфику социального протеста, «породнив» его с Африкой, поднявшейся на борьбу за национальную независимость. В ряде крупных западноевропейских стран возникло массовое молодежное движение против капиталистической эксплуатации. Особым накалом протеста было отмечено «новое молодежное движение» во Франции, Италии, Германии. Сегодня многие сравнивают его с революцией, кульминацией которой считают Парижскую весну. Это движение охватило не только Западный мир, но и ряд стран, руководимых коммунистами (Польшу, Югославию). Дети послевоенного «бэби-бума», чувствуя себя отчужденными от участия в важнейших экономических и политических процессах, и здесь требовали перемен, реальной демократии, внимания властных структур к жизни и чаяниям людей. Небывалую популярность завоевал новый социально-политический лозунг общественного самоуправления, противостоявшего бюрократическому всевластию государства². Стремление к преобразованию «старого мира» усилило позиции интеллектуалов, осознавших свою особую новую социальную функцию в эпоху научно-технической революции. Появление новых технических средств коммуникаций, в том числе колоссальный скачок в развитии телевидения, разрушало информационные преграды, превращало земной шар во «всемирную глобальную деревню», любая новость в которой немедленно становилась известной далеко за пределами национальных «околиц», рождало тягу к диалогу, обмену мнениями, прямой дискуссии. Все это волновало и будоражило умы, создавало незнакомое прежде чувство сопричастности происходившим в мире событиям, разрывало замкнутый круг обособленности, но вместе с тем формировало и понимание хрупкости биполярной конструкции послевоенного мира.

Подобные ощущения и настроения получили распространение по обеим сторонам железного занавеса. Этому не мешали различия в идеологии, социально-политическом устройстве и экономических моделях. Но если в США или во Франции реакцию государства на общественные протесты хотя бы условно можно было назвать «разворотом к обществу», то ответом на самое известное движение за обновление социализма в Центральной и Юго-Восточной Европе – «Пражскую весну» в Чехословакии – стала интервенция армий пяти стран Организации Варшавского договора (ОВД). 21 августа в Советском Союзе, отмечали известные авторы культурологических эссе Петр Вайль и Александр Генис, «досрочно закончились шестидесятые и начались – никакие». Была прочерчена «судьбоносная календарная граница», за которой 60-е еще продолжались, но уже по инерции «разогнавшейся истории»³.

¹ Курлански М. 1968. Год, который потряс мир / пер. с англ. А. В. Короленкова, Е. А. Семеновой. М.: Владимир, 2008. С. 8.

² Дамье В. В. «Долгий 1968-й»: глобальный бунт за самоуправление // Историческая экспертиза. 2018. № 4 (17). С. 117–118.

³ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М., 2013. С. 362.

«Пражская весна» как событие-символ, отразившее попытку придать коммунистическому движению новый импульс, соединив социалистические ценности с рациональной рыночной экономикой и механизмами развитой демократии, не раз становилось предметом внимания как отдельных авторов, так и научных коллективов. Библиография Пражской весны насчитывает многие десятки исследований разного формата – монографий, статей, историографических обзоров, рецензий, журналистских эссе. Изданы важные документы, раскрывающие механизм принятия решений советским руководством, позиции лидеров стран «социалистического лагеря», отклики на чехословацкие события в широком диапазоне – от международного коммунистического движения до рядовых граждан. Опубликованы многочисленные воспоминания. Интерес к данной проблематике особенно возростал в канун «круглых» дат – 40-летия и 50-летия «Пражской весны»⁴. Задача авторов настоящего коллективного труда, в написании которого приняли участие историки, архивисты, культурологи и литературоведы России, Чехии и Румынии, заключалась в том, чтобы познакомить читателя с новыми материалами и документами, переосмыслить на их основе события полувековой давности, попытаться найти оригинальный исследовательский ракурс. Различия в документальной оснастке представленных в книге сюжетов, что связано с объективным состоянием источниковой базы, и дробность рассматриваемых авторами проблем обусловили очерковый характер исследования.

Впервые в российском издании тщательно проанализировано «закулирье» «Пражской весны», представленное читателю через призму дискуссий о реформах и детальное рассмотрение позиции чешских интеллектуалов Зд. Млынаржа, Р. Рихты, И. Пеликана, О. Шика и некоторых других. Отражена история проекта федерализации и его реализации. Новая государственная модель – федерации чехов и словаков включала как позитивы, так и изначально заложенные слабости, проявившиеся уже в 1990-е гг.

Одна из центральных проблем, на которой сосредоточили внимание авторы, – выявление причин, по которым был принят силовой вариант разрешения чехословацкого кризиса. Главной, безусловно, явились опасения, что сфера социализма и советского контроля в Европе и в мире начнет сужаться и что из нее по принципу цепной реакции будут выпадать слабые звенья. В условиях, когда вопрос о западных границах ГДР, Чехословакии и Польши оставался открытым, определяющее значение приобретала геополитика, а именно вопрос о прочности Ялтинско-Потсдамской системы, сохранении стратегического баланса двух систем безопасности в Европе и мире и конфигурации оборонительных рубежей системы социализма. Такое развитие событий ни в Москве, ни в Берлине, ни в Варшаве тогда не могли допустить даже теоретически. Кроме того, внутривосточная ситуация в Чехословакии расценивалась крайне негативно и лишь убеждала в отсутствии альтернативы военному вмешательству. Предпринятые попытки задействовать экономический фактор в советской политике на чехословацком направлении не дали желаемого эффекта.

Тем не менее решение о военном вмешательстве далось советскому руководству и лично Л. И. Брежневу непросто, и причиной тому было не только отсутствие реальных вариантов действия, которые можно было бы предложить чехам в условиях, когда социалистическая модель все более зримо теряла свою экономическую целесообразность, а потому и привлекательность для населения, но и мучительные поиски надежной опоры в чехословацком обществе. «Здо-

⁴ 1968 год. «Пражская весна». (Историческая ретроспектива). Сб. статей / отв. ред. Г. П. Мурашко. М., 2010; *Шинкарев Л.* Я это все почти забыл. Опыт психологических очерков событий в Чехословакии в 1968 г. М., 2008; *Платошкин Н. Н.* Весна и осень чехословацкого социализма. Чехословакия в 1938–1968 гг.: в 2 частях. М., 2016; *Стыкалин А. С.* «Мы поставили крест на советской системе. 1968 год изменил нас». Размышления о книге об отклике в СССР на подавление Пражской весны // Историческая экспертиза. 2018. № 4 (17). С. 135–152; «Применение военной силы это, как правило, признак слабости». Беседа Тимура Джалилова и Александра Стыкалина о проблемах изучения Пражской весны и августовской интервенции 1968 г. в Чехословакию // Историческая экспертиза. 2018. № 4 (17). С. 71–95; *Нутрихин А.* Чехословакия-68. Пльзеньская осень. Воспоминания советского военного переводчика. М., 2018; и др.

ровые силы» в национальном руководстве, как быстро выяснилось, в основном рассчитывали на советские штыки.

Несмотря на успешно проведенную военную операцию по вводу войск ОВД на территорию Чехословакии, политический сценарий смены власти в ЧССР реализовать не удалось. Попытка действовать по венгерскому образцу осени 1956 г. – создать альтернативное «революционное рабоче-крестьянское правительство», призвавшее в страну оккупационные войска, провалилась. В итоге организаторы интервенции были вынуждены сослаться на позицию лишь небольшой группы из числа высших партийно-государственных функционеров, получивших в Чехословакии прозвище «приглашателей»⁵, а арестованных руководителей чехословацких партии и правительства пришлось спешно переправлять в Москву и сажать за стол переговоров для выработки компромиссного решения.

Подробно освещены в книге протестные настроения чехословацкой общественности, которые явно были недооценены в Москве во время подготовки вооруженной акции. Реформаторская деятельность идеологов «Пражской весны» получила большую народную поддержку. Это понимали, например, в Югославии, и в Румынии, но не хотели понимать в СССР, хотя негативы силового варианта наверняка осознавались в Москве. Ответом на введение в страну войск ОВД стало массовое гражданское неповиновение. Призыв XIV (Высочанского) съезда КПЧ к коммунистическим и рабочим партиям всего мира осудить интервенцию был услышан: военную акцию не поддержали некоторые социалистические страны, многие влиятельные коммунистические партии Западной Европы, часть государств третьего мира, близких к международному коммунистическому движению. Иными словами, попытка разрешить кризис путем реализации «классового подхода», воплощенного в доктрине «ограниченного суверенитета», серьезно скомпрометировала идею социализма, стимулировав в дальнейшем формирование доктрины еврокоммунизма. Действия советского политического руководства, взявшего на себя определение степени «опасности» чехословацкого эксперимента для геополитической стабильности в регионе и дела социализма (хотя решения принимались коллективно руководителями «социалистического лагеря»), также стали объектом серьезной и справедливой критики.

События в Чехословакии подвели итог демократизации отношений между СССР и его европейскими союзниками, начавшейся после того, как на XX съезде КПСС был провозглашен тезис о возможности строить социализм в разных странах по-своему, в зависимости от специфических условий, и началась критика культа личности Сталина. Как следствие, в странах «социалистического лагеря» были заложены две тенденции, определившие основные отклонения от задаваемой Москвой «нормы» политического развития: реформирование социализма, придание ему «человеческого лица», и национальное понимание марксизма-ленинизма, постулировавшее приоритет национально-государственных интересов над абстрактными классовыми, за которыми легко угадывались интересы Советского Союза. Периодически эти тенденции проявлялись в виде кризисов в «социалистическом лагере»: острых, как, например, «прерванная революция» 1956 г. в Венгрии, польский Октябрь 1956 г., поставивший страну на грань вооруженной интервенции со стороны СССР, и «Пражская весна», или вялотекущих, таких как регулярно возобновлявшаяся полемика со сторонниками «особого курса» в Румынии в 1960-1970-е гг. В Москве обе тенденции воспринимались как недопустимые, противоречившие интересам рабочего класса и шедшие вразрез с коммунистической идеологией.

Особенно отчетливо такой подход проявился в отношениях между СССР и Югославией. Белград, еще в конце 1940-х гг. заявивший о собственном, национальном понимании марксизма, рассматривался как закоренелый «еретик» в международном коммунистическом движении. После нормализации советско-югославских отношений в середине 1950-х гг. Юго-

⁵ Гаек М. Воспоминания о чешских левых / отв. ред. Г. П. Мурашко. М., 2019. С. 298.

славия не вошла в ОВД и не считалась частью советского блока, хотя и признавалась социалистическим государством. Ее руководство пыталось лавировать между СССР и США, не только стремясь получать выгоды от сотрудничества, в частности кредиты от обеих сторон, но и периодически претендуя на роль посредника между Москвой и Вашингтоном. Подобные амбиции Югославии и те успехи, которых она добилась благодаря своей политике «равноудаленности» от сверхдержав, стали возможны отчасти потому, что в начале 1960-х гг. Йосип Броз Тито стал одним из основателей Движения неприсоединившихся государств – организации, в которой в Белграде видели третью точку опоры югославской внешней политики. Положение в треугольнике Москва – Белград – Прага, восприятие чехословацких реформ, дававшиеся советскими и югославскими руководителями оценки ситуации и их динамика в контексте событий 1968 г. в Чехословакии обстоятельно проанализированы в книге.

Авторы всесторонне осветили позицию Румынии, ее отличные от других стран Восточной Европы оценки многих вопросов развития «социалистического лагеря». «Особая» позиция Бухареста, яростно отстаивавшего свой суверенитет и требовавшего невмешательства во внутренние дела через ОВД и Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), порождала даже больший негатив в Кремле, нежели заявления югославского руководства. Проигнорировав мнение Москвы, румынские руководители пошли на установление дипломатических отношений с ФРГ в 1967 г.; в том же году после начала Шестидневной войны на Ближнем Востоке Румыния стала единственной социалистической страной, сохранившей дипломатические отношения с Израилем; кроме того, в условиях нарастающего кризиса в советско-китайских отношениях она избегала публичного осуждения позиции компартии Китая, чем вызвала острое недовольство Москвы.

Значительное внимание в коллективном труде уделено неоднозначной позиции Запада. Если ведущие европейские державы активно поддерживали реформаторские процессы и демонстрировали готовность к развитию отношений с новым руководством в Праге, то Вашингтонская администрация реагировала достаточно сдержанно. Американцы дали понять чешским дипломатическим представителям в США, что не будут пересматривать свою позицию признания интересов Советского Союза в Восточной Европе и тем более не намерены ссориться с Москвой из-за ЧССР. Во исполнение этой установки Госдепартамент оказывал прямое давление на американскую прессу, не только блокируя появление в ней материалов с выражением симпатий чехам, но и потребовав вообще сократить публикации о событиях в Чехословакии. Думается, что советское руководство усмотрело в позиции Вашингтона своего рода карт-бланш и учло его при принятии рокового решения в августе 1968 г.

Жесткие заявления Белграда и Бухареста, осудившие интервенцию и политику Москвы как «акт агрессии» и «оккупацию», отчасти были ориентированы на США, Англию и западное общественное мнение, чтобы подстраховаться в случае повторения подобной практики и получить некоторые гарантии Запада. В Белграде и Бухаресте особо подчеркивали, что опасности контрреволюции в Чехословакии не существовало, и, следовательно, для военного вторжения не было никаких оснований. Несомненно, действуя таким образом, Тито и Чаушеску пытались поддержать лестный для них имидж независимых политиков, сопротивлявшихся давлению советского руководства, и укрепить свои позиции в собственных странах.

Осторожно-уклончивая манера поведения дипломатов двух социалистических государств при контактах с американскими дипломатами непосредственно после военного вторжения свидетельствовала, что и румыны, и югославы не были готовы к разрыву отношений с СССР, с большим сомнением относились к возможности вынести вопрос об интервенции в ЧССР на обсуждение в ООН и не поддерживали идею создания чехословацкого правительства в эмиграции. Что касается эскалации военного вмешательства, то руководители Югославии и Румынии, несмотря на объявленную «военную тревогу», по всей вероятности, не особенно верили в возможность нападения на свои страны.

Важной составляющей коллективного труда является освещение кризиса 1968 г. в международном контексте, в частности в сравнении с феноменом европейского «шестидесятничества», и в «национальном» преломлении. Сравнение современного уровня общественного сознания чехов и россиян и художественное осмысление полувекового развития Чехословакии, предпринятые авторами, позволяют определить место «Пражской весны» в коллективной памяти современного общества обеих стран, выявить ее основные характеристики, особенности и тенденции развития. Очевидно, что полученные в результате анализа оценки отражают сложные процессы, развивающиеся в общественно-политической и культурной сферах, испытывают на себе определенный идеологический груз и конъюнктурные влияния.

В структуре коллективного труда нашлось место также разделу «Воспоминания. Документы», материалы которого призваны обогатить наши представления о чехословацких событиях и их отражении в памяти современников.

Объективно «Пражская весна» – уже прошлая эпоха. Однако ее уроки как знакового события полувековой давности не исчерпали себя, а многие поднятые ею проблемы сохраняют актуальность и сегодня. Авторы надеются, что смогут способствовать приращению знаний о теперь уже не близком 1968-м, помочь осмыслить опыт прошлого во имя будущего.

Редколлегия

I. Размышляя о «Пражской весне»... Прошлое в оценках сегодняшнего дня

Эмил Ворачек

У истоков «Пражской весны» 1968 г. Чешские интеллектуалы в дискуссии о реформах: Зденек Млынарж, Радован Рихта, Иржи Пеликан, Ота Шик и другие

Наэлектризованная атмосфера «Пражской весны», вызванная, помимо прочего, динамичными переменами в высшем руководстве КПЧ, стала импульсом для начала одного из самых революционных этапов новейшей чешской истории, да и всего социалистического и коммунистического движения. Один из ведущих чешских интеллектуалов «Пражской весны», литературовед-германист Эдуард Гольдштюкер так охарактеризовал тот период: «В историческом ракурсе он представляет собой положение, когда развитие общества подошло ближе всего к осуществлению демократического социализма». Масштабная попытка демократизации диктаторского режима «госпартии» нашла широкий отклик во всем обществе, что привело к росту потенциала демократизации, однако еще не демократии. Ее выражением стал сформулированный философом Радованом Рихтой лозунг «Социализм с человеческим лицом», который вошел не только в лексикон первого секретаря ЦК КПЧ Александра Дубчека, но и в Программу действий КПЧ от 5 апреля 1968 г.⁶

Рано было говорить о всеобщем согласии населения на основе критического осмысления предшествующего этапа исторического развития. Гражданское общество еще только пробуждалось. Соответствующие настроения наиболее активно аккумулировались вне коммунистической партии, в кругах интеллигенции, чье лицо безжалостно обезобразили репрессии начала 1950-х гг. Интеллигенция все более активно выступала не только за демократизацию действующей системы, но и за устранение от рычагов власти скомпрометировавших себя функционеров КПЧ и за реабилитацию жертв репрессий. Руководство партии, однако, отвергло попытки восстановить социал-демократическую партию и создать «Клуб ангажированных беспартийных» и «К-231» – объединение бывших политических заключенных. На переговорах представителей КПЧ с руководством КПСС в Москве 4 мая 1968 г. Дубчек был категоричен. «Мы никому не разрешим создавать в стране реальный противовес коммунистической партии, мы не допустим возвращения в период ни до 1945, ни до 1948 года», – заявил он⁷.

В реформаторских усилиях в Чехословакии второй половины 1960-х гг. принимали участие яркие, неординарные личности. На их жизнь радикальным образом повлияли события Второй мировой войны, освобождение страны в мае 1945 г. и февральский переворот 1948 г. Среди активных участников «Пражской весны», прежде всего коммунистов, имелись и такие, которых тяготила их прошлая деятельность в первой половине 1950-х гг., в кульминационный период первого фазиса холодной войны. Некоторые из них уже в 1950-е гг. пересмотрели свои прежние взгляды и под влиянием постепенного ослабления напряженности в обществе определили для себя причины пороков и преступлений системы, в создании которой принимали

⁶ Mlynar Zd. Mraz prichazi z Kremli. Praha, 1990. S. 151.

⁷ Подробнее см.: Vondrova J., Navratil J. (eds) Mezinarodni souvislosti ceskoslovenske krize 1967–1970 (prosinec 1967 – červenec 1968). USD AV CR / Doplnek, Praha / Brno 1995. S. 165–189.

непосредственное участие. Таким образом, они не только помогали формировать среду для будущих перемен в обществе, но и переосмысливали свое собственное поведение в недавнем прошлом.

Одной из таких личностей был Иржи Пеликан. После февраля 1948 г., возглавляя так называемый Комитет действия, он участвовал в развернувшейся в вузах чистке, приложил руку к исключению многих сотен студентов. Антонин Я. Лим, впоследствии активный сотрудник вышедшего в Риме под редакцией Пеликана журнала «Listy», отмечал: «В течение всех трех десятилетий, когда я знал его близко, он вел напряженную борьбу сам с собой и с тем периодом своей жизни, который ему не простили дома и который он сам себе не мог простить. Он постоянно ощущал собственное чувство вины за те годы, когда во имя идеологии и дисциплины подавил в себе критическое мышление». В 1963 г. Пеликана назначили главным директором Чехословацкого телевидения и кооптировали в идеологическую комиссию ЦК КПЧ. Как директор национального телевидения и депутат Национального собрания он в значительной степени способствовал процессу демократизации, который достиг апогея в период «Пражской весны». В ночь с 20 на 21 августа 1968 г. Пеликан оказался в эпицентре событий. В момент, когда руководители государства были насильственно увезены в Москву, он сумел возглавить политическое сопротивление. Будучи председателем парламентского комитета по внешней политике, Пеликан активно призывал международную общественность оказать поддержку Чехословакии. В критической ситуации он добился передачи по Чехословацкому телевидению воззвания с резким осуждением советской оккупации. Пеликан активно участвовал в подпольном заседании чрезвычайного XIV съезда КПЧ в Высочанах. Ему удалось организовать магнитофонную запись докладов и выступлений на съезде, которую он позже, в 1970 г., уже находясь в эмиграции, опубликовал⁸.

В начале 1960-х гг. руководство коммунистической партии оказалось перед трудной задачей: нужно было искать выход из кризиса, который переживало общество. Уповая на объективность научного познания, чешские партийные структуры большое внимание уделяли созданию специализированных междисциплинарных коллективов. Постепенно в середине 1960-х гг. в рамках Чехословацкой академии наук (ЧСАН) сформировались исследовательские группы, объединившие, прежде всего, сотрудников Академии и Карлова университета. Это были независимо мыслящие лица, в общей сложности несколько десятков ученых, которые стали интеллектуальной опорой для подготовки реформ. Задача исследовательских коллективов заключалась в выработке теоретического обоснования назревших перемен и конкретных шагов в политике и экономике, разумеется, в рамках действующей системы. Их влияние на общественно-политическую атмосферу и, в свою очередь, на государственную и политическую власть уже с момента создания было сильным. На работе новых структур отражалась атмосфера 1960-х гг., в частности, вера в быстрый и коренной поворот дел к лучшему. Удивительно, что до последнего времени работа указанных групп не привлекала внимания ученых: лишь совсем недавно к ней обратились сотрудники Института современной истории, которые почти одновременно с научным исследованием опубликовали также сборник документов⁹.

Для исследования социальных последствий научно-технической революции и ее влияния на развитие личности была создана междисциплинарная группа, которую возглавил Радо-

⁸ Congresso alla macchia e Il rapporto proibito. Roma, 1970. На чешском языке впервые опубликовано под названием: Tanky proti sjezdu. Roma, 1970. Это издание практически недоступно. В Чешской Республике материалы увидели свет только через 28 лет (Tanky proti sjezdu. Protokol a dokumenty XIV (vysocanskeho) sjezdu KSC / Uvod a zaver Jiri Pelikan. Praha, 2018).

⁹ Подробнее см.: Hoppe J., Skodova M., Suk J., Caccamo F. O novy ceskoslovensky model socialismu. Ctyri interdisciplinari vedecke tymy pri CSAV a UK V 60. letech // Sesity Ustavu pro soudobe dejiny AV CR, 49, 2015; Hoppe J., Skodova M., Suk J., Caccamo F. (eds.) O novy ceskoslovensky model socialismu. Edice dokumentu ke ctyrem interdisciplinarnim vedeckym tymum pri CSAV a UK v 60. letech // Sesity Ustavu pro soudobe dejiny AV CR. 2016. 50.

ван Рихта (Философский институт ЧСАН)¹⁰. Главным итогом работы авторского коллектива – философов, экономистов, социологов, – насчитывавшего в общей сложности более 60 человек, стал фундаментальный труд «*Цивилизация на перепутье*» (*Civilizace na rozcesti*), в котором рассматривались «общественные и человеческие взаимосвязи научно-технической революции»¹¹. Важным вкладом в изучение проблемы стали работы самого руководителя группы Рихты, издавшего к тому времени ряд статей. В 1964 г. он вернулся к активной научной работе после длительного лечения в санатории Добржиш¹².

На основе предложенной Рихтой методологии авторы труда подвергли критическому анализу взгляды Маркса на капитализм и индустриальную цивилизацию, изложенные им в 1858 г. в работе «*Основные черты критики политической экономии*» (*Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie*)¹³. Но ознакомление с работой показывает, что ее авторы опирались и на новейшие достижения мировой науки. Рихта был убежден, что современная индустриальная цивилизация находится в поворотной точке, для которой характерно не только изменение в производственных отношениях, но и структурные изменения в человеке как производительной силе, включая и негативы, которые эти изменения приносят. Собственно, авторы представили экономический, технологический и социологический прогноз дальнейшего развития мира, отразивший переход тогдашнего индустриального общества к новому типу общества, которое мы сейчас называем «информационным». Гуманистические идеалы, которые должны были стать основой означенного перехода, становились фундаментом идеи «социализма с человеческим лицом».

Рихта и его единомышленники полагали, что следовало воспользоваться тем позитивом, что несла в себе научно-техническая революция, и помочь Чехословакии, а может быть и всему миру социализма, перейти из «развитого» социализма в коммунизм. Идеализм? Трудно сейчас ответить определенно, но монография Рихты и его команды, безусловно, заслуживает внимательного изучения с позиций сегодняшнего дня. Тогда можно будет ответить на вопрос, выдержала ли она, и в какой мере, испытание временем.

Коллектив, изучавший проблемы демократии и политической системы нашего общества, возглавил Зденек Млынарж (Институт государства и права ЧСАН)¹⁴. В начале «Пражской весны» он был избран секретарем ЦК КПЧ и стал одним из лидеров реформаторов. В работе его исследовательского коллектива принимали участие, помимо прочих, юрист Петр Питгарт и социолог Любомир Брокл.

Коллектив по исследованию вертикальной социальной дифференциации возглавлял социолог Павел Махонин (Институт социально-политических наук Карлова университета в

¹⁰ *Рихта Радован* (1924–1983) – философ, социолог; автор терминов «технологическая эволюция» и «социализм с человеческим лицом»; активно исследовал проблемы научно-технической революции и связанной с ней теории о вытеснении физического труда умственной деятельностью.

¹¹ *Radovan Richta a kolektiv. Civilizace na rozcesti. Spolecenske a lidske souvislosti vedeckotechnickej revoluce*. Praha: Svoboda, 1966. Работа трижды переиздавалась, позднее была переведена на 11 языков и быстро получила международную известность, в том числе и в демократическом мире. Выдержала несколько изданий в странах советского блока.

¹² В годы Второй мировой войны Рихта, входивший в антифашистскую группу «Авангард», был арестован гестапо и после пребывания в тюрьме Панкрац переведен в концлагерь в Терезине, где заболел тяжелой формой туберкулеза легких. После недолгой ремиссии болезнь вернулась, и с 1958 г. Рихта систематически проходил курс лечения (AAV CR, f. Vedecke kolegium filosofie a sociologie 1962–1970, k.3, sign. 022. *Zivotopis Radovana Richty* (1968. S. 1)).

¹³ *Marx K. Rukopisy «Grundrisse»*. *Ekonomicke rukopisy z let 1857–1859, I–III*. Praha: Svoboda 1971–1977. На русском яз. известна как «Экономические рукописи 1857–1859 годов». (*Прим. редколлегии*).

¹⁴ *Млынарж Зденек* (1930–1997) – юрист по образованию; в 1950–1955 гг. – студент юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, затем сотрудник Института государства и права ЧСАН. Член КПЧ с 1946 г. Один из подписантов так называемых Московских протоколов. В ноябре 1968 г. добровольно ушел со всех постов, в 1970 г. исключен из КПЧ. Соавтор текста Хартии-77; в 1977 г. эмигрировал в Австрию; за рубежом занимался политологическими исследованиями, участвовал в издательской деятельности (журнал «Listy»). После ноября 1989 г. вернулся на родину, сотрудничал с левыми силами, как почетный председатель возглавил партию Левый блок. Из-за не востребоваемости идей демократического социализма в Чехословакии вновь выехал в Австрию.

Праге)¹⁵. Он внес заметный вклад в возрождение в стране социологии спустя двадцать лет после ее «отмены» в феврале 1948 г. как «буржуазной лженауки».

Ота Шик, занимавший с 1961 г. пост директора Экономического института ЧСАН¹⁶, был по предложению Дубчека в апреле 1968 г. назначен вице-премьером и координатором экономических реформ. Сосредоточил вокруг себя коллектив экономистов – сторонников преобразований, который готовил экономическую реформу. Научная дискуссия о реформах, естественно, замыкалась определенными идеологическими границами. В рамках этого дискурса была создана исследовательская группа по теоретическим проблемам планового управления народным хозяйством, которую возглавил Карел Коуба (Экономический институт ЧСАН).

Межотраслевому коллективу во главе с Млынаржом, занимавшемуся проблемами развития политической системы, хотя и созданному в последнюю очередь, тем не менее предстояла первостепенной важности, весьма трудная и требовавшая большой осмотрительности задача – подготовить теоретические основы для комплексной реформы существующей модели социализма. Наибольшее внимание уделялось вопросу о взаимоотношениях власти и общества, применению постулата о ведущей роли компартии, т. е. модернизации системы социалистической диктатуры, основанной на монополии власти КПЧ. Размышления на этот счет представляли собой нечто абсолютно новое, что раздражало тогдашнее закостенелое руководство КПСС и «своих», национальных консерваторов. Исследователям предстояло смоделировать альтернативную модель будущего чехословацкого общества.

Работа коллектива явилась масштабной попыткой обосновать изменения системы и стимулировать решительные реформы, готовившие «Пражскую весну». Итоги труда, однако, не были подведены в обобщающем труде или материалах, как это произошло в команде Рихты.

Зримым стимулом для развития процесса демократизации стала Программа действий КПЧ, принятая на заседании ЦК КПЧ 5 апреля 1968 г.¹⁷ Отправной точкой для нее стал текст, над которым с 1967 г. работала партийная комиссия под руководством Млынаржа. Первоочередным в документе стало требование свободы печати. Ведущую роль партии программа трактовала как служение обществу, а не как власть над ним. Но при этом оговаривалось, что указанные перемены будут осуществляться под руководством КПЧ. Программу действий предполагалось включить в партийный устав. В то же время, однако, радикализировавшееся быстрыми темпами общество требовало ускоренного проведения реформ. Важным началом на пути к демократизации явились приостановка цензуры в феврале 1968 г. и ее полная отмена 4 марта, первая подобная мера в чешской и чехословацкой истории. 27 июня 1968 г., на следующий день после вступления в силу закона об отмене цензуры, в общенациональных ежедневных газетах был опубликован манифест «*Две тысячи слов*» (*Dva tisíce slov*), автором которого являлся Людвик Вацулик¹⁸. Документ возник по инициативе сотрудников ЧСАН. Он представлял собой призыв к активизации чехословацкой общественности против нарастающего давления советского руководства, настроенного резко негативно по отношению к любым изменениям советской модели социализма.

Новый вектор более радикальных перемен, затрагивавших, в частности, и политическую власть, был отражен в манифесте «*Накануне принятия решения. О новой чехословацкой модели социализма*» (*Před rozhodnutím. O novy ceskoslovensky model socialismu*), разработанном кол-

¹⁵ *Махонин Павел* (1927–2008) – социолог; автор концепции социальной стратификации чешского общества. Самое известное произведение Махонина-социолога – монография «Чехословацкое общество. Социологический анализ социальной стратификации» (*Ceskoslovenska spolecnost. Sociologicka analyza socialni stratifikace*. Praha, 1969).

¹⁶ *Шик Ота* (1919–2004) – экономист, политик, вице-премьер ЧССР в 1968 г. Автор экономической программы чехословацких реформ в духе рыночного социализма, идеолог социалистического «третьего пути» и модели гуманной «экономической демократии».

¹⁷ *Akční program Komunistické strany Československa přijaty na plenárním zasedání UV KSČ dne 5. dubna 1968*. Praha, 1968 // *Rok sedesátý osmý v usneseních a dokumentech UV KSČ*. Praha, 1969. S. 103–146.

¹⁸ *Vaculik L. Dva tisíce slov, které patří dělníkům, zemědělcům, úředníkům, umělcům a všem* // *Mláda fronta*. 27. VII. 1968. S. 1.

лективом Радована Рихты (опубликован в «Rude pravo» 10–12 июля 1968 г.). Открыто и ясно в нем прозвучало требование, чтобы «каждый гражданин социалистической страны действительно обладал не меньшей и не одинаковой, а именно большей мерой свободы слова и выражения общественного мнения, собраний, союзов, передвижения и перемещения, нежели та, что предоставляло буржуазное общество»¹⁹. На этой основе должна была формироваться новая модель социализма, отражавшая рефлексию и эволюционные перемены с целью преодоления очевидных недостатков и ошибок прошлого, прежде всего преступных 1950-х гг., и переход от действующей модели социализма советского типа к новому, динамичному, демократическому социализму. Помимо демократизации он должен был еще выдержать конкуренцию с рыночной экономикой развитых промышленных стран Запада. Что касается вопросов осуществления власти, то в манифесте было много общего с «Двумя тысячами слов» Людвика Вацулика. Для советского лидера Л. И. Брежнева оба эти документа были, без преувеличения, бельмом на глазу. Не все активные участники «Пражской весны», включая даже радикальных реформаторов, группировавшихся вокруг пражского горкома КПЧ, оказались способными перешагнуть, хотя бы частично, через свои старые представления о монополии власти КПЧ. Они, однако, оказались в меньшинстве и поэтому возлагали свои надежды на форсированное проведение чрезвычайного XIV съезда партии.

Его подготовка проходила в атмосфере эйфории, вызванной «Пражской весной». Требование созыва партийного форума впервые, еще в начале процесса обновления, сформулировали радикальные реформаторы, которых объединил вокруг себя столичный городской комитет КПЧ. Секретари областных и районных комитетов партии сначала были по преимуществу против. Выборы делегатов чрезвычайного XIV съезда КПЧ проходили на партийных конференциях в течение весны 1968 г. Съезд был назначен на 9 сентября. 21 августа 1968 г., в день, когда Чехословакия была оккупирована армиями стран Варшавского договора, в Праге, в партийной гостинице собрались 50 делегатов съезда и приняли решение созвать 22 августа совещание всех делегатов. Съезд проходил нелегально, втайне от войск оккупантов, в столовой завода ЧКД в пражском районе Высочаны (на востоке столицы). Совещание было открыто в 11 часов 18 минут в присутствии примерно тысячи делегатов, что составляло? их общего числа. К началу работы смогли приехать только 5 делегатов от Словакии. Впоследствии совещание было превращено в чрезвычайный съезд КПЧ. Поскольку первый секретарь партии Александр Дубчек вместе с другими своими соратниками был вывезен в Советский Союз, руководил работой чрезвычайного съезда профессор-экономист Венек Шилган, на которого возложили обязанности первого секретаря ЦК КПЧ. Резолюция съезда категорически опровергла утверждение о существовании контрреволюции и угрозы социализму в Чехословакии. Основным требованием стал немедленный вывод иностранных войск. Съезд призвал коммунистические партии всего мира поддержать три требования – немедленное освобождение всех арестованных чехословацких представителей и обеспечение их беспрепятственной деятельности; немедленное восстановление всех гражданских прав и свобод; вывод с территории Чехословакии всех оккупационных армий. Был избран Центральный комитет (144 члена), причем предусматривалось его дополнение словацкими товарищами. В заключительной резолюции съезда его работа была провозглашена непрерывной. Первое заседание съезда было закончено в 21 час 15 минут, но политическая обстановка в стране не позволила съезду продолжить свою работу. В заседании и выборах не участвовали 1219 из 1543 избранных делегатов, притом из Словакии добраться в Прагу смогли в общей сложности 50 делегатов, т. е. меньше одной пятой части.

¹⁹ Pred rozhodnutim. O novy ceskoslovensky model socialismu // Hoppe J., Skodova M., Suk J., Caccamo F. (eds.). O novy ceskoslovensky model socialismu. Edice dokumentu. S. 107.

* * *

Надеждам интеллектуалов «Пражской весны» не суждено было сбыться.

«Весну» сменила долгая «зима», которая закончилась лишь через два десятка лет полным крахом реального социализма, но не крахом идей, протагонистами которых они являлись. Эхо «Пражской весны» звучит и в наши дни, и ныне, когда мы снова испытываем трудности, оказавшись перед глобальными проблемами цивилизации, думается, есть резон оглянуться назад, переосмыслить идейный и теоретический багаж «Пражской весны», чтобы двигаться вперед.

Тимур Агабаевич Джалилов

Бремя сверхдержавы, или фактор экономической помощи в советской политике на чехословацком направлении 1962–1969 гг.²⁰

Изучение различных аспектов советской экономической помощи ЧССР в 1960-е – первой половине 1970-х гг. в последние десятилетия практически выпало из поля зрения историков-богемистов. Тема казалась излишне политизированной и вызывала настороженность в профессиональном сообществе (подобная точка зрения до недавнего времени разделялась и автором данной статьи). Показательно, что, когда в 2010 г. вышел в свет подготовленный коллективом Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) сборник документов «Чехословацкий кризис 1967–1969 гг. в документах ЦК КПСС», который в целом был оценен весьма положительно, некоторые чешские коллеги не преминули заметить «излишнее количество опубликованных материалов об экономической помощи СССР Чехословакии»²¹. Кажется, определение объема (сразу скажем, весьма значительного) советской экономической помощи, оказанной ЧССР в период нормализации, до некоторой степени служит оправданием акции августа 1968 г. (что, конечно, не так). Однако колоссальный пласт документов «о советской помощи» в рассматриваемый период (одних только постановлений Политбюро ЦК КПСС «за» насчитывается 180) говорит о том, что эта тема нуждается в научном осмыслении.

Как справедливо заметил активный участник событий 1968 г. З. Млынарж: «Политический успех „Пражской весны“ был обусловлен именно тем, что движение общества „снизу“ и движение в партии „сверху“ встретились и в значительной степени объединились. А это было бы невозможно без многолетнего воздействия реформаторского коммунизма внутри правящих диктаторских структур... Когда о временах Новотного говорят, как о сплошном царстве мрачного сталинизма, в которое в январе 1968 года ворвался светлый луч дубчековской реформаторской политики, то истинная картина 60-х годов в Чехословакии значительно искажается»²². Изменения в восприятии чехословацким обществом коммунистического режима начали происходить задолго до событий «Пражской весны». Для «Старой площади» процессы, происходившие в ЧССР, вовсе не были секретом, так же как не могла стать неожиданностью и сама «Пражская весна»²³. Начиная с 1965 г. словосочетание «кризисные явления» все чаще и чаще используется в материалах ЦК КПСС для характеристики ситуации в Чехословакии. К середине 1967 г. в ЦК КПСС складывается абсолютно четкое понимание того, что ЧССР стоит на пороге серьезного кризиса. В качестве подтверждения данного тезиса можно сослаться на важный, но далеко не единственный в этом роде документ – политическое письмо советского посольства в Праге за II квартал 1967 г. от 20 июля 1967 г. под названием «О некоторых проблемах проведения культурной политики Коммунистической партии Чехословакии». О позиции чехословацких интеллектуалов авторы политписьма говорят следующим образом: «Если прежде элементы, враждебные партии и социалистическому строю, позволяли себе выступать по отдельным вопросам... то теперь мы имеем дело с острым проявлением классовой борьбы

²⁰ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Грант № 17-18-01728 «„Мировая система социализма“ и глобальная экономика в середине 1950-х – середине 1970-х годов: эволюция теории и практики экономического и технологического лидерства СССР».

²¹ *Vondrova J. Mezinárodní souvislosti československé krize 1967–1970. Dokumenty ÚV KSSS 1966–1969. Praha; Brno, 2011. S. 10.*

²² *Млынарж З. Мороз ударил из Кремля. М., 1992. С. 68–69.*

²³ Подробнее см.: *Джалилов Т. А. Канун «Пражской весны» глазами советских дипломатов // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура / отв. ред. Т. В. Волокитина. М., 2013. С. 331–355.*

против правящей Коммунистической партии. Есть основания полагать, что это не случайный выход отдельной группы... а продукт с большим расчетом подготовленной атаки»²⁴. «В сложной политической обстановке устранения последствий культа личности и преодоления экономических трудностей, – информировало посольство ЦК КПСС, – ... партии не удалось успешно претворить в жизнь свои решения по идеологическим вопросам. У части партийных и государственных кадров стали наблюдаться проявления растерянности и либерализма... Руководство ЦК КПЧ видело, что аппарат Центрального Комитета не обеспечивает организационного проведения идеологической линии... процессы, вызывающие беспокойство партии, развивались в идеологической жизни страны уже многие годы, а нездоровые явления приобретали хронический характер...»²⁵ Виновный в сложившейся ситуации в ЧССР авторами документа прямо не назывался, однако вывод напрашивался сам собой: речь шла о первом лице в КПЧ – Антонине Новотном.

Посольство было отнюдь не единственным источником информации для советского партийного руководства. В аппарат ЦК КПСС (бывший на тот момент средоточием властных функций в СССР) стекались сведения, собираемые советскими людьми, занимавшими разные посты при представительствах советских учреждений, центральных газет и журналов, международных организаций и учреждений. Отчеты о пребывании за границей, о встречах с чехословацкими гражданами регулярно писали советские деятели науки и культуры; круг источников пополняла информация чехословацких общественных и политических деятелей, напрямую обращавшихся в ЦК КПСС, и дипломатов соцстран, информировавших сотрудников Отдела ЦК по тем или иным вопросам, и т. д. При этом речь идет не только о документах, направлявшихся в ЦК в силу служебных обязанностей (политических отчетах посольства, служебных записок дипломатов и чиновников различных ведомств, записей протокольных бесед и т. п.). Многие, как советские, так и чехословацкие, граждане считали своим долгом «в неофициальном порядке» проинформировать «Старую площадь» по тем или иным вопросам, поделиться своими соображениями. Важно отметить, что «визави ЦК КПСС» были люди, придерживавшиеся различных политических взглядов: от будущих реформаторов А. Дубчека, Ч. Цисаржа, О. Шика до их непримиримых противников – В. Биляка и Й. Ленарта. Точка зрения, согласно которой Москва слышала исключительно голос «консерваторов-сталинистов» и формировала свою позицию под воздействием их взглядов применительно к периоду, предшествующему «Пражской весне», в корне неверна. К тому же ставшие в будущем ключевыми фигурами «нормализации» В. Биляк, Г. Гусак до «Пражской весны» по многим вопросам выступали с позиций, близких к реформаторам²⁶.

Если информированность ЦК КПСС о событиях в Чехословакии на сегодняшний день не вызывает сомнений, то определить реакцию «инстанции» (как называли ЦК) на поступающую информацию весьма непросто. На большинстве документов мы видим характерную резолюцию: «Материал информационный. Использован в работе отдела...» Никаких постановлений Политбюро или секретариата ЦК КПСС, принятых на основании материалов о кризисной ситуации в ЧССР, обнаружить не удалось. Словно некая непроницаемая стена отделяла различные «этажи» ЦК КПСС – аппарат от высшего политического руководства.

И все же, как нам представляется, считать, что Политбюро никак не реагировало на поступающую информацию о нарастающем кризисе в ЧССР, неверно. Однако, судя по всему, реакцию высшего советского политического органа на происшедшее в Праге надо искать в иной плоскости. Прибегнув к количественному анализу, мы увидим, что из общего числа

²⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 295. Л. 134.

²⁵ Там же. Оп. 49. Д. 673. Л. 138.

²⁶ Подробный анализ этих материалов см.: Джалилов Т. А. К вопросу о влиянии советского фактора на чехословацкие события 1964–1967 годов // Новая и новейшая история. 2012. № 6. С. 52–64.

постановлений Политбюро за 1964–1967 гг., в той или иной степени касающихся Чехословакии, более двух третей посвящено оказанию экономической помощи (причем из года в год число подобных решений возрастало). В некоторых случаях взаимосвязь политики и экономики поражает. Так было, например, в 1964 г., когда Новотный проявил колебания в оценке итогов октябрьского пленума ЦК КПСС. 16 октября 1964 г. советский посол в Праге проинформировал первого секретаря ЦК КПЧ об отставке Н. С. Хрущёва, а спустя несколько дней, 21 октября, Новотный получил письмо от Л. И. Брежнева и А. Н. Косыгина: Президиум ЦК КПСС и правительство СССР удовлетворяли просьбу чехословацких друзей, согласившись увеличить поставку зерна в ЧССР в 1965 г. на 350 тыс. тонн²⁷. Очевидно, щедрость новых советских лидеров должна была помочь чехословацким товарищам «правильно» воспринять произошедшие перемены в руководстве СССР. По нашему мнению, практически за каждым постановлением Политбюро об оказании экономической помощи Чехословакии, принятом в рассматриваемый период, можно увидеть «политическую мотивацию», что не удивительно: вопросы дальнейшего экономического развития становились важнейшим фактором, определявшим динамику политического процесса в ЧССР.

В сравнении с соседними странами Чехословакия в результате Второй мировой войны понесла значительно меньший урон, а ее ориентированная на экспорт экономика компенсировала потерю западноевропейских рынков сбыта открывшимися рынками Советского Союза и стран «социалистического лагеря», нуждавшихся в поставках промышленных товаров из ЧССР в ходе послевоенного восстановления экономики. В результате 1950-е гг. стали «золотым веком» чехословацкого социализма. Неуклонный рост экономических показателей обеспечивал подъем жизненного уровня населения²⁸. По данным советского посольства в Праге (а эти данные подтверждаются и выводами современных чешских ученых), личное потребление населения увеличилось в 1953–1957 гг. на 40 %, а фонд заработной платы в 1956–1957 гг. – на 12 млрд крон. Экономические успехи дали возможность чехословацкому партийному руководству купировать воздействие на общество разоблачения культа личности Сталина на XX съезде КПСС и фактически снять с повестки дня процесс реабилитации. В беседах с советскими ответственными работниками чехословацкие товарищи кичились своими успехами и посмеивались над польскими и венгерскими коммунистами, испытывавшими серьезные проблемы.

Однако с началом 1960-х гг. ситуация резко изменилась. На внешних рынках чехословацкая промышленность столкнулась с нарастающей конкуренцией со стороны преодолевших трудный послевоенный период стран. Опережающий рост жизненного уровня населения создал дисбаланс в финансовом секторе, а экстенсивные методы плановой экономики больше не давали результата: все новые и новые вложения в основные фонды не приносили должной отдачи²⁹. Третья чехословацкая пятилетка (1961–1965 гг.) оказалась, по сути, провальной – ЦК КПЧ пришлось пойти на пересмотр принятого плана развития экономики.

Советское руководство все чаще и чаще получало сигналы из Праги о нарастающих трудностях в народном хозяйстве ЧССР, преодолеть которые, по словам «чехословацких друзей», без помощи Советского Союза было невозможно. 13 января 1964 г. первый секретарь посольства СССР в ЧССР Ф. М. Метельский сообщал о состоявшейся у него беседе с заместителем председателя Госплана ЧССР В. Винкларком. «В ходе беседы, – докладывал Метельский, – тов. Винкларек заявил, что положение в экономике ЧССР остается очень сложным. Поверьте мне, – заявил он, – я уже около 15 лет работаю в Гос плане и хорошо разбираюсь

²⁷ РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 876. Л. 1.

²⁸ Prucha V. *Hospodarske a socialni dejiny Ceskoslovenska v letech 1918–1992* (2. dil). Praha, 2009.

²⁹ Suk J. *Verejne zachodky ze zlata: konflikt mezi komunistickymu topismem a ekonomickou racionalitou pred srpnovem Ceskoslovensku*. Praha, 2016.

в этих вопросах, и я пока не вижу возможности оздоровления экономики... Единственная возможность нормализации в развитии чехословацкой экономики – это помощь СССР... В период заключительных бесед по плану и содержанию памятной записки по результатам переговоров Госпланов ЧССР и СССР 15 января советский представитель тов. Бачурин попросил, чтобы работники Госплана ЧССР более реально проанализировали свои потребности и, может быть, снизили некоторые свои просьбы к СССР, так как в ходе переговоров выяснилось, что их удовлетворение в первоначальном объеме или очень трудно или невозможно для советской стороны. Иными словами, нужно сузить концы ножниц между вашими просьбами и нашими предложениями, – сказал он. На это Винкларек в шутку заметил: где сузить? Здесь? И показал на свое горло»³⁰.

Значительные надежды чехословацкие политики возлагали не только на поставки из СССР, но и на объявленную январским пленумом ЦК КПЧ (27–29 января 1965 г.) экономическую реформу. Суть ее состояла в предоставлении большей самостоятельности предприятиям, стимулировании экономической заинтересованности хозяйствующих субъектов, создании реалистичной системы ценообразования и т. п. Трудно не заметить определенного сходства чехословацкой экономической реформы со стартовавшими в сентябре – октябре 1965 г. в СССР «косыгинскими» реформами³¹. Возможно, именно в силу этого обстоятельства советское руководство на первом этапе встретило начинания чехословацких товарищей вполне благосклонно. Посольство СССР в Праге, хорошо умевшее улавливать настроение Москвы, в «Информации об итогах январского пленума ЦК КПЧ» от 16 февраля 1965 г. сообщало: «Решения январского пленума ЦК КПЧ кладут начало важным, принципиальным изменениям в системе руководства экономикой страны. Чехословацкие друзья рассматривают осуществление намеченных мероприятий как введение, в сущности, по определению тов. Новотного, новой системы управления экономикой. В решениях январского пленума ЦК КПЧ определены лишь главные направления этой перестройки. Она представляет значительный интерес. В связи с этим посольство полагает целесообразным... внимательно изучать его»³². Посольство предлагало направить в ЧССР специалистов, как по партийной, так и по хозяйственной линии, для изучения чехословацкого опыта.

Проблема заключалась в том, что в самом руководстве ЧССР вовсе не было единства в отношении дальнейших перспектив начатой реформы. Реформаторское крыло теоретиков-экономистов (его олицетворял в первую очередь О. Шик – на тот момент директор Института экономики ЧАН, член ЦК КПЧ с 1962 г.) в решениях январского пленума видело лишь первый шаг, за которым в ближайшее время должны были последовать новые меры, усиливающие рыночные механизмы, и в конечном счете всесторонняя либерализация не только народного хозяйства, но всей социально-политической системы. Политикам этого толка ЧССР виделась часть мировой глобальной экономики, СССР же отводилась «всего лишь» роль хотя и важного, но далеко не единственного партнера.

Иной точки зрения придерживались не только консерваторы (будущие «столпы нормализации», такие как В. Биляк, Й. Ленарт), но и центристы, а именно экономисты-практики, группировавшиеся в значительной мере вокруг Госплана ЧССР (председатель – О. Черник) и экономического отдела ЦК КПЧ³³. Позицию этой части политической элиты изложил 7 фев-

³⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 674. Л. 7, 9.

³¹ Старт реформам был дан на сентябрьском (1965 г.) пленуме ЦК КПСС, принявшем постановление «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» (Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 5. М., 1968. С. 640–645).

³² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 917. Л. 168.

³³ Подлинная палитра мнений чехословацких экономистов и политиков была намного более разнообразной, однако мы рисуем картину, каковой она представлялась советскому руководству, на основании материалов, поступавших из ЧССР в ЦК КПСС.

раля 1966 г. в беседе с Метельским заведующий экономическим отделом ЦК КПЧ Б. Шимон: «При определении мер преодоления имеющихся трудностей ряд экономистов, – сообщал чехословацкий функционер, – предлагали более широкий выход на капиталистический рынок с целью включения в международное капиталистическое разделение труда и преодоление на этой основе автаркичности³⁴ производства и нехватки многих видов сырья и продовольствия. ЦК КПЧ не может согласиться с этими предложениями, прежде всего, по политическим соображениям... С другой стороны, мы имеем неограниченный мировой социалистический рынок. Здесь у нас общие цели и идеология и неисчерпаемые источники развития. Правда, в СЭВе не все идет гладко. Многие вопросы экономического сотрудничества не решаются. Мы еще далеки от свободного движения товаров и рабочей силы на социалистическом рынке, чего уже добились в европейском экономическом сообществе»³⁵. «Нас пугает и не удовлетворяет тот факт, – говорил Метельскому 27 апреля 1965 г. начальник отдела перспективной координации планов со странами СЭВ А. Сук, – что советские друзья не дают нам ответа о перспективах развития, и ваши пожелания мы улавливаем в общих чертах. Требования вашей стороны очень расплывчаты, непонятны, что затрудняет нашу работу»³⁶. Характерно, что запись беседы с Суком Метельский дополнил следующей справкой: «На основании беседы можно полагать, что т. Сук выражал в некоторых случаях свое личное мнение, а в других случаях – точку зрения определенной группы работников Госплана ЧССР. Однако неоднократное упоминание о том, что эти вопросы обсуждались на коллегии Госплана и изложены в записке ЦК КПЧ, свидетельствуют о том, что друзья придают большое значение поднятым в беседе вопросам»³⁷.

Судя по всему, члены этой политической группы опасались, что слишком быстрое продвижение по пути экономических реформ приведет к нежелательным политическим изменениям, с одной стороны, и лишь усилит диспропорции в народном хозяйстве ЧССР – с другой. Улучшение ситуации они видели в дальнейшем развитии кооперации и разделении труда в рамках СЭВ и, конечно, в поставках из СССР. При этом не стеснялись прибегать к завуалированной форме шантажа: ЦК КПСС оказывался перед дилеммой – либо советское руководство усилит помощь ЧССР, создаст в формате СЭВ полноценно функционирующую экономическую систему, либо Прага будет вынуждена искать способы решения своих проблем, «интегрируясь в международное капиталистическое разделение труда», тем самым выходя из сферы влияния Москвы...

Пожелания чехословацкой стороны о необходимости более тесной интеграции социалистических стран через СЭВ в значительной мере совпадали с планами советского политического руководства. 6 июня 1962 г., выступая на заседании первых секретарей ЦК коммунистических и рабочих партий и глав правительств стран-участниц СЭВ, Хрущёв говорил: «... Жизнь настоятельно требует от нас действенных и безотлагательных решений. Дело обстоит теперь так: либо мы смело пойдем по пути дальнейшего сотрудничества и тем самым сделаем новый важный шаг в объединении своих хозяйственных усилий, либо столкнемся с серьезными трудностями, которые могут отрицательно сказаться на развитии мирового социализма»³⁸. На указанном заседании и на состоявшейся год спустя, 25 июля 1963 г., аналогичной встрече Хрущёв предложил обширный комплекс мер по интеграции экономик социалистических стран. Основой хрущёвского замысла было создание единого наднационального планирующего органа (некоего Госплана СЭВ) и выработка общего плана экономического развития стран соцлагеря на длительный период.

³⁴ Так в тексте. Следует читать: автаркичности. (Прим. редколлегии).

³⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 860. Л. 102–103.

³⁶ Там же. Д. 917. Л. 227.

³⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 917. Л. 227.

³⁸ Там же. Ф. 52. Оп. 1. Д. 454. Л. 33.

Незадолго до своей отставки Хрущёв посетил с официальным визитом ЧССР. Возвращаясь из Праги, он 5 сентября 1964 г., на борту самолета Ил-18, обсудил (точнее, «поделился» своими мыслями) итоги визита с А. А. Громыко, Г. Т. Шуйским, Л. М. Замятиным, Ф. М. Бурлацким. В переработанном виде его рассуждения легли в основу записки в Политбюро ЦК КПСС «О некоторых вопросах экономического сотрудничества с Чехословакией». Документ свидетельствует, что, помимо множества частных вопросов (привлечение капиталовложений ЧССР в разработку советских месторождений цветных металлов, необходимых для чехословацкой промышленности; кооперация в развитии производства полуфабрикатов из химического сырья; привлечение капиталов ЧССР и ГДР для строительства в Советском Союзе электростанций с целью обеспечения энергией производства хлора как сырья для полихлорвинила и т. д.), поездка в ЧССР заставила Хрущёва снова обратиться к принципиально важной для него проблеме – интеграции экономик социалистических стран в рамках СЭВ. «Будучи в Чехословакии, – отмечал советский лидер, – мы имели ряд бесед с тов. Новотным и другими чехословацкими руководителями... Эти беседы укрепили меня во мнении, что в нашем сотрудничестве с Чехословакией и другими социалистическими странами нет достаточно четкой и целеустремленной политики. Вопросы экономических связей Советского Союза со странами народной демократии выступают сейчас как важный фактор в деле укрепления единства и сплоченности мировой системы социализма. Между тем в практике экономического сотрудничества сложилось такое положение, когда наши плановые и хозяйственные органы в этом вопросе поддаются самотеку. Они не проявляют собственной инициативы, не всегда критически относятся к предложениям тех или иных социалистических стран... Надо как следует заняться изучением этих вопросов с тем, чтобы разработать практические меры по осуществлению последовательного экономического сотрудничества с социалистическими странами»³⁹.

Насколько известно автору статьи, данная записка Хрущёва, вынесенная на заседание Президиума ЦК КПСС 10 сентября 1964 г., – хронологически первый документ, в котором, пусть и в несколько завуалированной форме, на столь высоком уровне говорится о том, что кооперацию стран «социалистического лагеря» в рамках СЭВ тормозят советские плановые и хозяйственные органы, а перед высшим политическим руководством СССР ставится задача преодолеть это сопротивление.

Октябрьский пленум ЦК КПСС 1964 г., определивший политическую судьбу Хрущёва, на некоторое время отложил принятие решений по дальнейшему развитию системы экономических отношений социалистических стран: новое советское руководство было вынуждено сосредоточить свое внимание на внутривнутриполитической повестке. Однако, как показывают материалы состоявшейся 20 января 1966 г. в ЦК КПСС встречи нового первого секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с А. Новотным по вопросу об интеграции экономик стран «социалистического лагеря», позиция советской стороны не претерпела изменений. Брежнев сразу дал понять своему собеседнику, что если за последнее время (т. е. после октябрьского пленума 1964 г. – *Т.Д.*) «мы стали меньше шуметь по вопросам внешней политики, то это отнюдь не означает какого-либо ослабления нашей активности в этом плане». По словам советского лидера, методы наши изменились, но существо политики сохранилось. Сославшись на когда-то слышанную им шутку Брежнева о том, что сейчас СЭВ является не столько организацией взаимной помощи, сколько организацией помощи (т. е. помощи со стороны СССР), Новотный вновь поставил перед советскими партнерами вопрос о необходимости активизации деятельности Совета. В ответ Брежнев заметил, что тоже видит недостатки в работе СЭВ и далек от того, чтобы испытывать полное удовлетворение его деятельностью. В критическом ключе советский лидер изложил обычную практику обращения представителей стран-членов с просьбой оказать помощь поставками тех или иных товаров, сырья или оборудования, чтобы ликвидировать

³⁹ Там же. Д. 363. Л. 190.

прорыв на каком-то остром участке. «Одним мы успеваем дать, другим даже ничего не остается. Одни уезжают довольные, другие – обижаются. Это может быть и можно считать естественным ходом событий, но не по такой линии должна развиваться работа СЭВа», – заключил Брежнев. Он подчеркнул, что еще не успел по-настоящему разобраться в основных причинах существующих недостатков и в том, каковы должны быть пути их устранения. Первый секретарь Президиума ЦК КПСС признавался Новотному в том, что еще точно не знает, как поставить эту работу на правильные рельсы, однако, по его глубокому убеждению, для этого есть немалые возможности. Брежнев заверил своего чехословацкого коллегу, что в скором времени вынесет вопросы, связанные с работой СЭВ, на рассмотрение Президиума ЦК КПСС и предстоящего XXIII съезда КПСС⁴⁰.

Автор не располагает документальными подтверждениями, что именно в результате беседы Брежнева с Новотным в январе 1966 г. аппарату ЦК КПСС были даны поручения изучить существующие проблемы в работе СЭВ и представить свои предложения. Однако характерно, что уже 5 февраля 1966 г. на стол секретаря ЦК КПСС, курировавшего «социалистический лагерь», Ю. В. Андропова легла записка партийного комитета советской части секретариата СЭВ «О некоторых вопросах деятельности Совета Экономической Взаимопомощи». Авторы документа констатировали, что «в процессе сотрудничества выявились трудности, недостатки и нерешенные вопросы. В связи с этим представителями стран в СЭВ выражается неудовлетворенность результатами коллективного сотрудничества...»⁴¹. Изложив недостатки в работе СЭВ, авторы записки просили «рассмотреть в Центральном Комитете... меры по дальнейшему улучшению экономического и научно-технического сотрудничества наших дружественных стран...»⁴². На полях напротив этой фразы имеется помета Андропова: «И где эти меры? Кто нас представляет? Разве это не задача парткомитета?» Документ явно привел в негодование секретаря ЦК КПСС. Поля испещрены пометами: «Конкретно что нужно делать?! Эти общие посылки всем известны», «Липа!» и т. п. Однако, несмотря на то, что авторы записки, по распоряжению Андропова, были вызваны на беседу в ЦК, по результатам которой составили новую записку в ЦК КПСС, конкретных предложений Андропов так и не получил, и уж тем более не удалось ему вывести работу СЭВ на новый уровень. Ответ на вопрос, почему практически всесильный Андропов оказался в данном случае бессилем, коренится в разногласиях, возникших еще в хрущёвский период.

Одним из основных препятствий на пути интеграции стран – членов СЭВ Хрущёв считал сложность сглаживания противоречий между национальными интересами каждой из стран и особенно расхождение в понимании задач экономической кооперации. В июле 1963 г., в период сильного обострения отношений с румынами, он писал: «Несогласия по отдельным вопросам или расхождения могут быть, потому что внутри совнархоза одной страны такие расхождения бывают, а между нами в этой важнейшей части нашей политической деятельности – экономической – (а это основа нашей социалистической идеологии), тут много форм, много возможностей, и много может быть разного понимания, разного подхода, не всегда другой раз мы можем учесть национальные особенности той или иной страны, и поэтому нельзя проявлять сразу нетерпение и форсировать эти разногласия и вводить их в политическую степень»⁴³. Однако больше, чем «национальные особенности» социалистических стран, препятствующие экономической интеграции, Хрущёва беспокоила скрытая оппозиция советских отраслевых хозяйственных деятелей. Об этом он говорил в «узком кругу», пригласив 24 июля 1963 г., накануне совещания лидеров компартий, Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, Г. Т. Шуйского,

⁴⁰ На XXIII съезде КПСС (29 марта – 8 апреля 1966 г.) вопросы экономической интеграции социалистических стран не оказались в центре внимания делегатов.

⁴¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 887. Л. 10.

⁴² Там же. Л. 26.

⁴³ Там же. Ф. 52. Оп. 1. Д. 457. Л. 40.

А. С. Шевченко и О. А. Трояновского. Хрущёв делился своими опасениями: «В другой раз до нашего слуха доходит, что выражается даже недовольство такими отношениями. Если говорить о нашей стране, то чаще всего нам предлагают такие товары... которым мы сами ищем сбыт или в социалистических странах, или на капиталистическом рынке. Поэтому это тоже создает для нас трудности... Нам другой раз предлагают товары одноименные, в которых мы не нуждаемся, или от нас просят те товары, которые мы сами покупаем за границей. Это, конечно, создает нам трудности... Я это говорю, товарищи, не потому, что не сказать этого – значит, нет этого вопроса. Он есть... Я думаю, что со мной согласятся товарищи, что в кооперировании, в какой бы степени оно ни было, больше всего заинтересованы другие социалистические страны между собой и с Советским Союзом, чем Советский Союз с другой страной. Я думаю, что это всем понятно, потому что у нас необъятные просторы, возможности сырья, емкость нашего рынка, и уровень науки и техники»⁴⁴. Для Хрущёва, увлеченного в начале 1960-х гг. идеей кооперации в рамках СЭВ, задачи, стоявшие перед всем «социалистическим лагерем», во многом превалировали над внутривосточными вопросами, он считал, «что только глубокое кооперирование может помочь другим социалистическим странам выровнять развитие своей экономики и идти в ногу к новым высотам в развитии экономики, техники и науки, как в целом всех социалистических стран, так и каждой отдельной страны, чтобы она была не ниже уровня других стран»⁴⁵.

Судя по всему, Хрущёв считал, что даже если на определенном временном отрезке СССР придется пожертвовать своими интересами, в дальнейшем кооперация в рамках СЭВ придаст столь мощный импульс развитию экономик всех соцстран, что это положительным образом скажется и на Советском Союзе. Однако не все члены советского политического руководства разделяли эту точку зрения. Голос противников хрущёвского подхода стал звучать в аппарате ЦК КПСС более громко после его отставки. Подтверждение этому можно найти в докладе Института экономики мировой социалистической системы АН СССР под названием «О развитии и укреплении экономического сотрудничества социалистических стран и совершенствовании форм этого сотрудничества». Как указывалось в сопроводительной записке, «при подготовке доклада были использованы материалы и консультации работников отдела ЦК КПСС»⁴⁶. Судя по многим косвенным признакам, документ отражал позицию советского «экономического блока». Пересказывать изложенный на 92 страницах материал нет возможности, однако применительно к нашей теме важно отметить: авторы документа достаточно откровенно дают понять – дальнейшая интеграция в рамках СЭВ может негативно сказаться на советской экономике. По мнению составителей доклада, открытие внутреннего рынка СССР для стран народной демократии может подорвать целый ряд секторов советского народного хозяйства и снизить темпы его развития. С этой точки зрения оказывалось «выгоднее» оказывать экономическую помощь нуждающимся в ней партнерам, нежели углублять разделение труда в рамках СЭВ.

Очевидно, руководствуясь именно этими соображениями, советское руководство не торопилось пойти навстречу чехословацким товарищам, призывавшим наладить работу СЭВ. Вплоть до августа 1968 г. вопрос оставался в подвешенном состоянии. Ввод войск в ЧССР и последовавшая за этим «нормализация», с одной стороны, сняли с повестки дня тему чехословацкой экономической реформы в трактовке Шика, а с другой – потребовали от Москвы решительных действий по оздоровлению экономики ЧССР. В мае 1969 г. в Праге побывал председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков. 15 октября 1969 г. он внес в ЦК КПСС предложения по вопросам двустороннего экономического сотрудничества, которые были утверждены поста-

⁴⁴ Там же. Л. 45–46.

⁴⁵ Там же. Л. 46.

⁴⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 850. Л. 69.

новлением Политбюро ЦК КПСС. С подачи Байбакова советское руководство одобрило оказание помощи Чехословакии «в разворачивании прогрессивных видов производства», развитии атомной энергетики и производства вычислительной техники, налаживании передач цветного телевидения; был положительно решен вопрос о поставках некоторых валютных товаров, зерновых, энергетического угля, чугуна, картофеля, мяса, о предоставлении ссуды в свободно конвертируемой валюте или золоте и т. д.⁴⁷ СССР вкладывал в чехословацкую экономику миллионы инвалютных рублей, однако ни единого слова о развитии интеграционных процессов в рамках СЭВ в записке Байбакова не содержится. Байбаков полностью игнорировал системные подходы в рамках концепции плановой социалистической экономики. Вместо этого предлагался набор командно-административных мер и «тушение пожара» в наиболее проблемных точках мощным потоком советских вложений. Имея в распоряжении колоссальные ресурсы советской экономики, «главный советский плановик», столкнувшись с кризисом, делает ставку не на настройку «планового инструментария» (в который, видимо, он уже не особенно верит), а на разовые вливания, на базе которых должно было начаться восстановление экономики.

Жизнь показала эффективность предложенных мер в краткосрочной перспективе: по данным чешских историков, пятилетка 1971–1975 гг. была одной из самых удачных за весь период строительства социализма в ЧССР, реальные доходы населения возросли на 28 %. Однако эти успехи достигались в значительной мере за счет потока советских инвестиций. Как только Советский Союз был вынужден сократить вложения в чехословацкую экономику, она начала испытывать серьезные затруднения.

Порочность подобного подхода была очевидна для советского политического руководства. Хрущёв высказался о таком методе «планирования» развития экономики социалистических стран в свойственной ему эмоциональной манере: «Другой раз то или иное социалистическое государство составляет план, а потом обращается к другому государству и просит: нельзя ли проконсультироваться у вас: мы план составили на 5-10 лет. И когда начинают консультироваться, то оказывается, что план составлен очень умный, хороший план и там большие возможности заложены, но для этого нужно процентов 20–40 добавить извне для реализации этого плана. Спрашивается, какой же это хороший план и что было заложено при составлении этого плана?.. Все посмотрели бы и увидели, что тут не консультация нужна, а материальные средства? Куда это годится? Никуда не годится. Это такая игра, которая всем видна»⁴⁸. Судя по стенограммам переговоров с руководителями соцстран, Брежнев по данному вопросу был полностью солидарен с Хрущёвым. Парадокс заключался в том, что, несмотря на недвусмысленные высказывания первых лиц государства, советская бюрократическая машина, столкнувшись с необходимостью преодолеть последствия «Пражской весны», пошла проторенным путем «оказания братской помощи». Инерция советской бюрократии и многочисленные интересы советских хозяйственников оказывались весомее «благих пожеланий» политического руководства.

⁴⁷ Чехословацкий кризис 1967–1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010. С. 601–611.

⁴⁸ РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 454. Л. 21.

Ян Рыхлик

На пути к чехословацкой федерации

В конце 1967 г. чехословацкое общество ясно осознавало, что диктатура партийного лидера Антонина Новотного оказалась в глубоком кризисе. Однако если чешская сторона в первую очередь ощущала недемократический характер режима, то в Словакии болевой точкой являлся нерешенный словацкий вопрос. Осознание полной подчиненности Праге и, следовательно, неравноправного положения в государстве у большинства словаков было очень сильно. Не случайно именно словацкие члены ЦК КПЧ и его Президиума начали осенью 1967 г. под руководством первого секретаря ЦК КПС Александра Дубчека кампанию острой критики Новотного и, действуя вместе с чешскими коммунистами-реформаторами, в январе 1968 г. заставили его уйти с поста руководителя КПЧ. Новым партийным лидером стал Дубчек.

В проекте Программы действий КПЧ, датированном 26 февраля 1968 г., говорилось о двух этапах развития государства, причем на втором, в отдаленной перспективе, допускалось (как один из вариантов) создание чешско-словацкой федерации⁴⁹. До тех пор пока ЦК КПС оставался в почти неизменном составе, как в период правления Новотного и позднее, когда руководство перешло в руки консерватора Василя Биляка, основным борцом за федерацию стал поначалу Словацкий национальный совет (СНС) или же его Президиум (ПСНС). Именно на заседании ПСНС 29 февраля была отклонена концепция унитарного государства. Вопрос о федерации Президиум рассматривал также 6 и 11 марта. Согласно предложениям специальных комиссий, решение государственно-правовых вопросов предполагалось осуществить в два этапа. Первый этап начинался 1 января 1969 г. Помимо СНС как законодательного органа, в Словакии учреждался и коллективный исполнительный орган – Совет уполномоченных (министров). Разделение компетенций между центральными и словацкими органами должен был закрепить особый Конституционный закон о положении Словакии, причем компетенции общегосударственных органов предстояло сформулировать исчерпывающим образом. Второй этап начинался только после XIV съезда КПЧ, с образованием федерации. Материал после обсуждения на Президиуме был утвержден постановлением № 38/1968, с которым заместитель председателя СНС Франтишек Барбирек должен был ознакомить пленум СНС и партийные органы⁵⁰. Пленум Совета проходил в Братиславе 14–15 марта 1968 г. На нем был снят с должности председателя сторонник Новотного Милан Худик. Руководить Советом было поручено заместителю председателя Барбиреку. В результате обсуждения постановления ПСНС от 11 марта 1968 г. пленум признал единственной приемлемой для Словакии государственной формой федерацию, работать над подготовкой которой следовало начать безотлагательно. С этой целью были созданы соответствующие специальные комиссии⁵¹.

Форму новой государственной модели обсуждали на заседании Президиума СНС и Президиума ЦК КПЧ 19 марта. Участники решили, что следует использовать все возможности несимметричной модели и что переход к федерации будет постепенным. Особенно важно было правильно сориентировать чешское общество⁵². Требование федерации было включено в Программу действий КПЧ, одобренную Пленумом ЦК 5 апреля 1968 г.⁵³ Таким образом, определи-

⁴⁹ *Vondrova, J., Navrátil, J., Moravec J.*: Komunistická strana Československa. Pokus o reformu (rijen 1967 – kveten 1968). Prameny k dejinám ceskoslovenske krize 1967–1970, díl 9, sv. 1 (далее – PDČSK, 9/1). Praha; Brno, 1999. Dok. 14. S. 79–98; Dok. 15. S. 100; *Jičínský Z.* Vznik Česke národní rady v době Pražského jara a její pusobeni do podzimu 1969. Praha, 1990. S. 13.

⁵⁰ SNA, f. PSNR, k. 160, c. F-416/68, zasedani PSNR 11.03.1968.

⁵¹ Ibid. f. SNR, IV. volebni období, 16 zasedani, 14–15.03.1968.

⁵² *Plevza V.* Československa statnost' a slovenska otazka v politike KSC. Bratislava, 1971. S. 244.

⁵³ *Zatkuliak J.* Federalizacia ceskoslovenskeho statu 1968–1970. Vznik cesko-slovenskej federacie roku 1968. Praha; Brno, 1996. Dok. 4. S. 38.

лись ориентиры, необходимые для подготовки изменений в области государства и права. Одновременно начали подтверждаться опасения Праги, что в Словакии требование федерализации попадет «не в те руки» и будет использовано против демократизации. И действительно, докладывая 9 апреля в ЦК КПС об апрельском пленуме, Биляк полностью сосредоточился на проблеме федерализации и пренебрег вопросами демократизации. Проект Программы действий КПС должен был быть разработан самостоятельно. Во время обсуждения поэт Войтех Мигалик в числе первых поднял вопрос о конфедерации, потребовав ее одобрения к 50-летию образования Чехословакии (28 октября 1968 г.). Экономист Виктор Павленда настаивал на последовательной экономико-политической федерации. Он критиковал профессора Оту Шика за то, что тот настаивал на общегосударственной экономической интеграции. Против Павленды выступили другие члены ЦК КПС, знакомые с проблемами экономики: по их убеждению, предложение Павленды являлось нереальным с экономической точки зрения. В конце концов, ЦК КПС принял документ под названием «О взаимоотношениях чешского и словацкого народов в области организации государства и права», который требовал безотлагательно (до конца июня) разработать и принять Конституционный закон о симметричной организации государства, т. е. о федерации⁵⁴. Фактически в результате потеряли свое значение в этой части как постановление СНС, так и Программа действий КПЧ.

Конец марта 1968 г. ознаменовался мобилизацией гражданских сил в стране. Давление общественности и средств массовой информации постепенно принуждало к отстранению от власти скомпрометированных функционеров режима Новотного. Последнего 30 марта на посту президента сменил генерал Людвик Свобода. 8 апреля 1968 г. подало в отставку правительство Йозефа Ленарта, и в тот же день был сформирован кабинет Олдржиха Черника. В число вице-премьер-министров вошли Петер Цолотка и Густав Гусак – главные в Словакии протагонисты федерации. Новое правительство поддержало идею федерации в опубликованной 24 апреля программе. 3 мая 1968 г. Национальное собрание, руководимое реформатором Йозефом Смирковским, одобрило программное заявление, хотя незадолго до этого, 11 апреля, приняло решение отложить запланированные выборы и продолжало функционировать в старом составе.

Собственный проект федерации был разработан в Братиславе. Президиум СНС на своем заседании 10 апреля подготовил график работ «для обеспечения законодательных работ, вытекающих из Программы действий партии и постановления ПСНС № 38/1968». Окончательный проект должен был быть разработан до 5 мая⁵⁵. 16 апреля формально была создана новая специальная комиссия под руководством профессора Карола Лаца. Ее учредительное заседание прошло на следующий день, 17 апреля⁵⁶. Комиссия отказалась от двухэтапного плана и к концу апреля разработала единый план, который, независимо от позиции чешской стороны, предусматривал создание национальных органов – правительства и парламента – и в чешских землях. Над обоими правительствами и парламентами должны были стоять общие федеральные органы с ограниченными делегированными компетенциями.

6 мая состоялось заседание Комиссии ЦК КПС по подготовке федерации. Было предложено оперативно, до 20 июня, создать центральную комиссию на правительственном уровне для разработки проекта Конституционного закона о федерации. ЦК КПС исходил из того, что конкретный проект организации уже был подготовлен словацкой стороной в результате деятельности рабочей комиссии Президиума КПС, и поэтому целесообразно будет поставить чешских партнеров перед фактом⁵⁷. 15 мая Густав Гусак в качестве вице-премьер-мини-

⁵⁴ Kural V. Ceskoslovensko roku 1968. Obrodny proces. Praha, 1993. S. 76–77.

⁵⁵ SNA. F. PSNR. K. 162. Zasedani PSNR 10.04.1968.

⁵⁶ Plevza V. Ceskoslovenska statnost'. S. 251.

⁵⁷ Zatkuliak J. Federalizacia ceskoslovenskeho statu. Dok. 8. S. 57–72.

стра представил правительству проект создания Комитета по подготовке федерации. Комитет насчитывал 78 человек⁵⁸. Документ был подготовлен им еще в апреле и теперь получил одобрение. Комитет состоял из Конституционно-юридической комиссии для разработки Конституционного закона по подготовке федерации и Экономической комиссии. Председателем комитета 21 мая формально был назначен глава кабинета Олдржих Черник. Однако решающее значение имела Конституционно-юридическая комиссия. В ее состав входили председатель и 32 члена, из которых 15 представляли чешские земли, 15 – Словакию и 2 – Моравский край. Председательствовал Густав Гусак. Эта Комиссия и стала ареной главных столкновений по вопросу о федерации.

27 июня 1968 г. на 17-м заседании Словацкого национального совета Комиссия СНС под председательством Ondreja Клокоча приступила к обсуждению отчета Франтишека Барбирека о подготовке федерации. Над соответствующим проектом работали три специальные комиссии СНС (по вопросам государства и права, экономическая и отраслевая) при сотрудничестве с Комиссией по вопросам подготовки федерации при ЦК КПС под руководством Виктора Павленды⁵⁹.

Чешская сторона предлагала два противоречивших друг другу проекта федерации. Первый, разработанный Зденеком Йичинским и Иржи Гроспичем, предполагал так называемую закрытую, или узкую, федерацию с относительно широкими компетенциями федеральных органов и весьма ограниченным запретом майоризации⁶⁰. Второй, автором которого был Иржи Богушак, – так называемую федерацию свободную⁶¹.

Словацкая сторона отклонила оба предложения. Первое посчитала недостаточным, поскольку оно давало возможность чешскому большинству «задавить» словацких депутатов. Второе – не подходило по экономическим причинам, т. к. не позволяло осуществить планировавшееся выравнивание уровней экономического развития Словакии и чешских земель.

Президиум ЦК КПЧ обсуждал проекты от 10 июля на своем 87-м заседании 16 июля 1968 г.⁶² Была учреждена дополнительно специальная комиссия (А. Дубчек, О. Черник, В. Биляк, Й. Смирковски, Ч. Цисарж, Г. Гусак, О. Клокоч), которая должна была обсудить проблемы с политической точки зрения и предложить Президиуму варианты решений. Экономическая и Конституционно-юридическая комиссии провели совместные заседания 16–19 июля⁶³. Новый документ, который 22 июля отправили правительству для информации, констатировал, что, по сравнению с предыдущими обсуждениями, было достигнуто согласие в вопросах об ограничении запрета майоризации, учреждении должностей государственных советников в федеральных отраслях с исключительной компетенцией и принципом национальной пропорциональности в отношении количества сотрудников. Другие вопросы (например, способ выборов президента) остались в нескольких вариантах⁶⁴.

В свою очередь, 26 июля Президиум правительства обсудил вариант, разработанный на основе материалов от 10 июля. Предполагалось создание двухпалатного Федерального собрания – Палаты народа (примерно из 200 депутатов, избираемых пропорционально по всей стране) и Палаты национальностей (около 100 делегатов, избираемых прямыми выборами поровну от каждой из республик, или делегируемых в таком же количестве обоими национальными советами). Обе палаты имели статус равноправных с прерогативой обсуждать все феде-

⁵⁸ Pravda, 29.05.1968. Ср.: Plevza V. Československa statnost'. S. 259–261.

⁵⁹ SNA. F. SNR. IV. Volebni obdobi, 17 zasedani, 27.06.1968.

⁶⁰ Использование большинства голосов для отклонения предложений меньшинства. (Прим. редколлегии).

⁶¹ Резюме всех предложений для председателя правительства Олдржиха Черника см.: AKV CSFR. Ustav soudobych dejin AV CR Praha. Sig. C I/54.

⁶² Не установлено, присутствовали ли на заседании члены Президиума ЦК КПС, как было запланировано.

⁶³ Zatkuliak J. Federalizacia ceskoslovenskeho statu. Dok. 29. S. 218.

⁶⁴ Zatkuliak J. Federalizacia ceskoslovenskeho statu. Dok. 30. S. 219–226.

ральные законы. Президиум правительства отказался от механического применения принципа количественного равенства министров, однако согласился задействовать его в отношении поста государственного секретаря. Количество федеральных министерств предстояло определить дополнительно. Правительственной комиссии поручалось разработать окончательный проект в соответствии с этими принципами⁶⁵.

Итоговый документ был готов 7 августа 1968 г. Он включал 22 параграфа. В большинстве случаев спорные пункты были вычеркнуты, причем, как следует из письма Йичинского и Богушака председателю правительства Чернику от 15 августа, такая участь постигла именно альтернативные предложения чешских юристов, в большинстве своем направленные на усиление полномочий федеральных органов⁶⁶. В части «С» чешской стороне была сделана значительная уступка в том, что в федеральном правительстве не должен был действовать принцип запрета майоризации (в предыдущем материале от 10 июля о нем также не упоминалось, но словаки первоначально требовали паритета министров, который впоследствии был заменен на «соразмерное представительство»). Основной принцип федерации формулировался в параграфе 5: «Чехословакия состоит из двух равноправных национальных государств – Чешской Социалистической Республики (ЧСР) и Словацкой Социалистической Республики (ССР). В общих интересах они доверяют часть своего суверенитета и вытекающие из него компетенции общему федеральному государству. Суверенитет национальных государств не прекращается и не погашается суверенитетом федерального государства. Суверенитет национальных государств и суверенитет федерального государства существуют и действуют параллельно друг другу»⁶⁷. Приведенный материал рассмотрел сначала Президиум ЦК КПС⁶⁸, а затем Президиум ЦК КПЧ. Это произошло на 92-м заседании 13 августа 1968 г. В постановлении говорилось: «Президиум ЦК КПЧ поручает доработать внесенный проект согласно замечаниям Комитета по подготовке федерации и вынести на обсуждение Правительству и Чешскому Национальному Совету. Одновременно оформить принципы как политическую директиву для заседания внеочередного XIV съезда, еще перед публикацией обсудить директиву в Президиуме ЦК КПЧ – ответственный товарищ Гусак»⁶⁹. 14 августа проектом занимались правительство, Президиум ЦК Национального фронта, Комиссия по вопросам государства и права Чешского национального совета и Комитет по подготовке федерации⁷⁰. За два дня до этого, 12 августа, материал обсуждал Президиум СНС⁷¹. Он одобрил его и для обсуждения всех вопросов созвал заседание Словацкого национального совета на 21 августа 1968 г.⁷²

Существование «симметричной модели», как первоначально называлась федерация, обязательно требовало создания аналогичного СНС органа – Чешского национального совета. 24 августа 1968 г. проект Конституционного закона о подготовке федерализации ЧССР был включен в программу 23-го заседания парламента и после кратких обсуждений, касающихся положения Моравии, был одобрен без изменений⁷³. Конституционный закон № 77/1968 СЗ о подготовке федерации в первую очередь обновлял запрет майоризации, отмененный 20 лет тому назад – 16 апреля 1948 г.⁷⁴ Это означало, что в будущем при принятии конституционных

⁶⁵ Ibid. Dok. 32. S. 228–229.

⁶⁶ Ibid. Dok. 34. S. 246–247.

⁶⁷ NACR. F. UV KSC. 02/1. Sv. 81, a. j. 126, c. j. P 4675. Cp.: *Zatkuliak J. Federalizacia ceskoslovenskeho statu. Dok. 33. S. 231–232.*

⁶⁸ *Plevza V. Ceskoslovenska statnost'. S. 326.*

⁶⁹ NACR. F. UV KSC, 02/1, 92 zasedani prezidia Ustredniho vyboru (PUV) 13.08.1968.

⁷⁰ *Plevza V. Ceskoslovenska statnost'. S. 326; Pravda, 16.08.1968.*

⁷¹ SNA. F. PSNR. K. 171 – zasedanie predsednictva Slovenskej Narodnej rady 12.08.1968.

⁷² Ibid. K. 171 – priprava na 18. plenarne zasedanie Slovenskej Narodnej rady 21.08.1968.

⁷³ AP CR. F. AFS, IV Volebni obdobi, vydani 185, AFS, TSNS, IV. vol. obd., 14 zasedani, 23 setkani, 24.06.1968.

⁷⁴ Конституционный закон № 74/1948 СЗ.

законов государственного и правового характера в сфере отношений между чехами и словаками делегаты от чешских земель должны были голосовать отдельно от посланцев Словакии и что для принятия закона требовалось квалифицированное большинство обеих частей палаты (§ 1). Выполнение задач, связанных с подготовкой федерации, возлагалось на национальные советы (§ 2). Количество членов ЧНС определялось Национальным собранием, которое избирало ЧНС из числа своих депутатов от чешских земель и выдающихся представителей чешского общества (§ 4). ЧНС также получил право пополнять свой состав выдающимися фигурами словацкой общественной жизни, которые не являлись депутатами ЧНС (§ 6). Выборы в ЧНС прошли 10 июля. Было избрано 150 депутатов, председателем ЧНС был на его первом заседании избран Честмир Цисарж⁷⁵.

Успех федерации был немислим без федерализации КПЧ. Это означало, что, с одной стороны, было необходимо преобразовать КПС в относительно самостоятельную партию, а с другой – создать партнера – Коммунистическую партию чешских земель (КПЧЗ).

Вопрос о КПЧЗ обсуждался на заседании ЦК КПЧ 29 мая – 1 июня 1968 г. В принятом постановлении говорилось об учреждении чешских национальных органов (Чешского национального совета) и одобрялось «создание комиссии партийных органов в чешских землях для разработки принципов партийного строительства в условиях федеративного государства». Комиссия должна была включать представителей всех чешских краевых организаций, по три коммуниста от каждой. Председателем комиссии был назначен секретарь ЦК КПЧ, бескомпромиссный консерватор Алоис Индра⁷⁶. Практическими вопросами партийного строительства занимались коммунисты – реформаторы Йозеф Шпачек и Мартин Вацулик и политики, объединившиеся вокруг горкома КПЧ в Праге (Богумил Шимон и др.). План федерализации партии был опубликован 10 августа 1968 г. как часть предсъездовской дискуссии о новом уставе партии. Устав, действительно, в определенной мере устранял недемократическую систему так называемого демократического централизма, поскольку позволял меньшинству выносить на обозрение свои убеждения и в будущем допускал сосуществование разных платформ и политических фракций. Это позволяло относительно демократично решать проблему федерализации партии. КПС и КПЧЗ должны были стать автономными территориальными организациями КПЧ с собственными верховными органами. ЦК КПЧ (словацкая версия: ЦК КПЧС) наделялся полномочиями решать определенные вопросы, причем при обсуждении национально-политических вопросов обязательным объявлялся принцип запрета майоризации. Решения, касавшиеся положения дел в республиках, принимали ЦК КПС и ЦК КПЧЗ и их президиумы. Планировалось проведение совместных заседаний обоих президиумов или обоих (чешского и словацкого) ЦК⁷⁷.

Вопрос создания федерации приобрел совсем другое звучание во время оккупации Чехословакии 21 августа 1968 г. Часть чехословацкого руководства, включая Дубчека и Черника, противоправно вывезенная в СССР и находившаяся там на положении заключенных, была вынуждена фактически капитулировать перед советскими требованиями и подписать так называемый Московский протокол⁷⁸. Документ обязывал чехословацкую сторону аннулировать факт проведения XIV съезда КПЧ и его решения⁷⁹, узаконить советскую оккупацию и осуществить меры, направленные на постепенное ограничение или же ликвидацию процесса демо-

⁷⁵ Ibid, IV. vol. obd., 14 zasedani, 25 setkani, 10.7.1968. О выборах подробнее см.: *Jicinsky Zd. Vznik Ceske narodni rady v dobe Prazskeho jara*. S. 27–29.

⁷⁶ Rude pravo. 31.05.1968.

⁷⁷ *Jicinsky Zd. Vznik Ceske narodni rady v dobe Prazskeho jara*. S. 52.

⁷⁸ Текст протоколов см.: *Bencik A. Operace Dunaj. Vojaci a Prazske jaro 1968. Studie a dokumenty*. Praha, 1994. Dok. 20. S. 242–247.

⁷⁹ 22 августа созданный по инициативе Пражского горкома КПЧ на территории завода в Высочанах съезд КПЧ обратился ко всем коммунистическим и рабочим партиям мира с просьбой осудить советское вторжение.

кратизации. Первым этот шаг сделал ранее занимавший реформаторские позиции «отец» федерации Густав Гусак: после возвращения из Москвы он выступил на внеочередном съезде КПС в Братиславе и добился того, что пражский XIV съезд был признан противозаконным⁸⁰. В этой обстановке подготовка федерации имела, помимо прочего, и замещающее значение. У словаков она должна была создать иллюзию, что хотя бы некоторые из реформаторских требований будут осуществлены, и отвлечь их внимание от политических проблем. После августовской оккупации первым шагом по подготовке федерации явилось прибытие 4 сентября в Братиславу делегации ЧНС во главе с его председателем Честмиром Цисаржем. Гостей встречал председатель Словацкого национального фронта Само Фалтян. Целью поездки было обсуждение состава общих комиссий для тщательного редактирования закона о федерации⁸¹. ЦК КПС одобрил проект принципов Конституционного закона о федерации от 5 сентября 1968 г. и потребовал, чтобы Специальная комиссия как можно быстрее подготовила вариант с параграфами и чтобы закон был принят до 28 октября⁸². Днем позже проект принципов обсуждал и Национальный фронт Словакии, который внес определенные дополнения⁸³. В тот же день, 6 сентября 1968 г., глава правительства Олдржих Черник сообщил в Президиум ЦК КПЧ, что в интересах внутренней консолидации государства «правительство приняло меры для обновления работы по урегулированию вопросов государства и права и устранения противоречий между чехами и словаками»⁸⁴. Президиум не возражал в принципе, но настаивал на решении определенных процессуальных вопросов. Чешские реформаторы-коммунисты хотели воспользоваться подготовкой федерации для созыва учредительного съезда КПЧЗ и нового XIV съезда КПЧ с обоснованием, что эти легитимные форумы правомочны одобрить федерацию. Однако посетившая 3–4 октября 1968 г. Москву чехословацкая делегация в составе Дубчека, Черника и Гусака выслушала от недовольного Л. И. Брежнева упреки относительно процесса «нормализации» и категорическое заявление, что о созыве XIV съезда не может быть и речи. Что касается КПЧЗ, то советская сторона также категорически высказалась против и согласилась лишь с созданием Бюро по руководству партийной работой в чешских землях⁸⁵. Чешский национальный совет выразил свое мнение 18 сентября. Согласившись с оформлением федерации и назначив специальную комиссию, которая должна была обсудить рабочие моменты с соответствующей Комиссией СНС, члены Совета, однако, к недовольству словацкой стороны, выступили за «функциональную» (закрытую или узкую) федерацию. Такой подход отражал настроения чешской общественности и предполагал широкие компетенции Палаты народа (ПНр) и Палаты национальностей (ПНц). В случае несогласия словацкой стороны должен был действовать однопалатный парламент, который при необходимости мог разделиться на чешскую и словацкую части.

Стороны договорились, что спорные пункты в проекте федерации должны быть рассмотрены на совместных заседаниях президиумов СНС и ЧНС в Праге 1 октября и в Брно 2 и 3 октября. Однако договориться по всем вопросам не удалось. Оба национальных совета 4 октября продолжили обсуждение проекта по отдельности. Словацкая сторона скрупулезно размышляла над гарантиями против майоризации (запрет майоризации, требование обсуждения всех законов обеими палатами, т. е. и Палатой национальностей с паритетным представительством). ЧНС, наконец, с этим в принципе согласился. Пойдя на создание двухпалатного парламента, чешская сторона рекомендовала куриальную систему выборов в ПНц (от националь-

⁸⁰ Выступление Гусака см.: SNA. F. UV KSS. K. 2072. Fasc. 219.

⁸¹ Pravda. 06.09.1968.

⁸² Zatkuliak J. Federalizacia ceskoslovenskeho statu. Dok. 37. S. 251–252.

⁸³ Ibid. Dok. 38. S. 252–256.

⁸⁴ NACR. F. UV KSC, 02/1, sv. 80, a. j. 125, dodatek III vyhlasky, c. j. P4751/31, bod II/9.

⁸⁵ Mencl V. a kol. Ceskoslovensko v roce 1968. Pocatky normalizace. Praha, 1993. S. 14.

ных советов), тогда как словацкая сторона выступала с требованием прямых выборов. Кроме этого, ЧНС настаивал, чтобы будущий конституционный закон не включал перечень компетенций федеральных органов: таковые следовало прописать в дополнительно принятом соответствующем законе. СНС, напротив, считал необходимым представить исчерпывающий список непосредственно в конституционном законе. Поскольку обсуждения не дали результатов, оба национальных совета приняли решение отложить спорные вопросы, считать их возможными вариантами решения. «Наладка» должна была осуществляться по ходу конкретной работы парламентских комитетов. 7 октября 1968 г. Клокоч и Цисарж передали проекты председателю Национального собрания Смирковскому. Разумный компромисс оправдал себя: впоследствии комитеты смогли найти приемлемые варианты, и к инициативному проекту обоих национальных советов присоединилось и правительство⁸⁶.

Заседавшее в Испанском зале Пражского Града Национальное собрание 27 октября 1968 г. одобрило Закон о Чехословацкой Федерации, а 30 октября в Братиславском Граде Конституционный закон № 143/1968 СЗ подписали Свобода, Черник и Смирковский. 1 января 1969 г. на территории ЧССР возникли два государства – Чешская Социалистическая Республика (ЧСР) и Словацкая Социалистическая Республика (ССР), каждая со своим парламентом (Национальным советом) и правительством.

Обе республики делегировали часть свои полномочий общим федеральным органам – Правительству ЧССР и Федеральному собранию, состоящему из двух палат: Палаты народа из 200 депутатов и Палаты национальностей, в которую каждая республика избирала по 75 депутатов. Особенностью Чехословацкой Федерации был так называемый запрет майоризации, т. е. отдельного голосования в чешской и словацкой части Палаты национальностей при принятии всех конституционных законов и решении ограниченного круга других вопросов.

Конституционный закон о Чехословацкой Федерации был компромиссом, который хотя и не был в состоянии полностью и окончательно урегулировать чешско-словацкие противоречия, но мог стать хотя бы временным решением. Эффективность его реализации целиком зависела от возможности хотя бы частично отстоять демократические достижения «Пражской весны» 1968 г. Этого, однако, не случилось, поскольку с приходом Густава Гусака на пост первого секретаря ЦК КПЧ 17 апреля 1969 г. был взят жесткий курс против реформаторского движения. Кульминацией явились массовые чистки, развернувшиеся осенью 1969 и весной 1970 г. Были восстановлены система так называемого демократического централизма в партийно-государственной жизни и обязательный государственный план в экономике, что означало безусловное подчинение низших органов государственного аппарата высшим органам и неограниченную власть партийного аппарата над государственным. В декабре 1970 г. внесенным в законодательство дополнением была значительно усилена роль федеральных органов⁸⁷. Чехословацкая Федерация стала так называемой социалистической федерацией, т. е. федерацией советского типа. Влияние ее на чешско-словацкие отношения было скорее негативным, поскольку чешская сторона считала, что государством управляют словаки Гусак и Биляк (последний родился в бедной русинской семье). Они, однако, не проводили какую-то особую «словацкую» политику и в Словакии были не намного популярнее, чем в Чехии и Моравии. В глазах большинства словаков их деятельность, наоборот, дискредитировала федерацию, поскольку не принесла ожидавшейся децентрализации, и надежды на самостоятельную жизнь в своих национальных границах не сбылись.

⁸⁶ *Zatkuliak J.* Federalizacia ceskoslovenskeho statu. Dok. 42–47. S. 276–329.

⁸⁷ Конституционный закон № 143/1968 СЗ.

Анатолий Семенович Аникеев

Советское восприятие и оценка югославской модели социализма в контексте событий 1968 г. в Чехословакии⁸⁸

Конфликт СССР с Югославией, возникший весной 1948 г. и вызванный отказом Москвы признать некоторую самостоятельность югославского руководства во внешнеполитической области, повлек за собой формирование в Кремле развернутой антиюгославской позиции с идеологическим уклоном. Она включала в себя обвинения КПЮ в ревизии теории и практики марксизма-ленинизма, национализме и троцкизме. Критика вскоре становится персонифицированной, адресованной руководителям КПЮ – самому Тито и его соратникам Александру Ранковичу, Миловану Джиласу и Эдварду Карделю. В Кремле считали их ответственными за негативные изменения в политике Югославии, приведшие к ухудшению отношений с СССР, отказу от следования общей внешнеполитической линии, в то время как основная часть партии продолжала считать ВКП(б) ведущей силой формирующегося «социалистического лагеря». Обострение отношений с СССР, отход от согласованной с ним политики были вызваны, как полагали в Москве, постепенной ревизией верхушкой КПЮ «истинного» марксизма, а также игнорированием принятой в коммунистическом сообществе иерархии отношений между компартиями по принципу «младшего» и «старшего». На июньском (1948 г.) заседании Информбюро все выдвинутые против югославского руководства обвинения были поддержаны другими компартиями-участницами. «Здоровым силам» внутри КПЮ было предложено сменить «ревизионистское руководство», которое, в свою очередь, на прошедшем спустя две недели V съезде КПЮ отвергло все предъявленные обвинения и призвало всех членов партии еще теснее сплотиться вокруг ее ядра.

Осень 1948 г., по мере нарастания советского пропагандистского давления, становится временем постепенной переоценки в Белграде сталинской внутренней и внешней политики. Процесс этот проходил в несколько этапов и был тесно связан с попытками Кремля подорвать единство правящей группы в КПЮ, изолировать Тито и найти альтернативную фигуру на роль лидера партии. На темпы переосмысления югославами сталинской теории и практики сильное влияние оказывало внутреннее состояние партии, а именно неподготовленность основной партийной массы к резкой смене курса в отношении ВКП(б) и отказу от привычных идеологических установок. Испытывая на этот счет серьезные опасения, югославские лидеры остерегались до поры до времени открыто критиковать советскую систему, считали необходимым разьяснить суть конфликта, блокируя, таким образом, настроения в пользу примирения с Москвой любыми средствами. По этой причине дискуссия о том, с чего, в какой форме и в каких масштабах следует начинать разработку собственного варианта социализма, отличного от сталинского, проходила поначалу в узком кругу югославского руководства. В то же время развертывание кампании против КПЮ в других странах «народной демократии», начало там разоблачительных акций, а затем и судебные приговоры против «титоистов», наряду с уже сточением политики Кремля, подстегивали процесс поиска югославским руководством альтернативы сталинизму. Во второй половине 1949 г. начинается теоретическая подготовка к введению новой системы управления госпредприятиями, а в конце года эта идея получает законодательное оформление. Главные теоретики реформы Борис Кидрич, Кардель, Джилас, Моше Пьяде, приступая к ее разработке, исходили из установок Маркса о передаче капиталистических фабрик и заводов в руки производителей при переходе к новой общественной форма-

⁸⁸ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ. Грант № 18-09-00573 «Москва и Восточная Европа. Югославская модель социализма и страны советского блока. 1950-1960-е гг.».

ции. Прерогативой рабочих коллективов стало создание советов, которым государство предоставляло право самостоятельно управлять предприятиями⁸⁹. Это были первые шаги на пути формирования югославской модели само управления, превратившиеся в отличительную черту общественного устройства Югославии. Постепенно меняется и внешнеполитическая ориентация страны: начинается нормализация отношений с соседними Грецией и Италией и появляются первые признаки активизации связей с США и их союзниками, которые начинают осознавать политическую и стратегическую важность советско-югославского конфликта⁹⁰. Все эти моменты внимательно отслеживались советской стороной и интерпретировались как подтверждение ранее выдвинутых обвинений югославов в ревизионизме и предательстве социализма, готовности идти на союз с «империалистами». Аналитики в ЦК ВКП(б), используя подобные клише, постепенно формируют крайне негативный образ югославского руководства и проводимой им внутренней и внешней политики. Напомню, что еще до конфликта отдельные отрицательные характеристики содержались в записках по Югославии, подготовленных аппаратом ЦК. Так, в частности в записке Отдела внешней политики ЦК (август 1947 г.) политика Белграда в отношении Триеста⁹¹ оценивалась как игнорирующая «общие интересы демократических сил в борьбе с англо-американцами в этом вопросе». Критику ЦК вызывали и отношения с Албанией, попытки югославов заставить албанцев поддерживать контакты с СССР исключительно через Белград⁹². Естественно, что часть этих претензий, но уже в более резкой формулировке и с идеологическими ярлыками вошла в перечень развернутых антиюгославских обвинений, начиная с бухарестской резолюции Информбюро 1948 г. Интересно, что уже в этом документе советское руководство злорадно предрекало югославам скорую перспективу подчинения страны «англо-американским империалистам»⁹³.

Начало 1950-х гг. было отмечено дальнейшим ухудшением отношений между Югославией и СССР. Югославское руководство продолжило реорганизацию экономики и под давлением США приступило к частичной либерализации общественной жизни, но под строгим партийным контролем. Сталинская модель социализма, ее теоретические основы подвергались переосмыслению, переоценке и системной критике на всех уровнях⁹⁴. Советская система при этом именовалась бюрократической, что напоминало о ее критике в работах Троцкого, в частности в «Преданной революции», опубликованной во Франции еще в 1936 г. и переведенной на многие иностранные языки. Советское посольство в Белграде отмечало весной 1951 г. факт «массированных атак» на «Краткий курс истории ВКП(б)» и лично на Сталина. Атташе посольства А. А. Ханов, сообщая в своих донесениях о ситуации в Югославии, указывал на «наглое и циничное умаление заслуг товарища И. В. Сталина в области теории марксизма»⁹⁵. Комментируя решение правительства об отмене продовольственных карточек на некоторые виды товаров, называемой югославами «деэтизацией» экономики, советский дипломат отме-

⁸⁹ А.И. КМЖ. П-3-а-2/34; Radnicki saveti I upravni odbori privrednih preduzeca. Beograd, 1957.

⁹⁰ Ашикеев А. С. Как Тито от Сталина ушел. Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002. С. 207–232.

⁹¹ Подробнее см.: Сальков А. П. СССР в дипломатической борьбе за урегулирование югославско-итальянского конфликта вокруг Юлийской Краины и Триеста (июль 1945 – июль 1946) // Российские и славянские исследования. Сборник научных статей. Вып. 5 / отв. ред. О. А. Яновский. Минск, 2010. С. 18–39; *Он же*. СССР и урегулирование национально-территориальной проблемы Юлийской Краины и Триеста (июль 1946 – октябрь 1954 г.) // Российские и славянские исследования. Вып. 6 / отв. ред. А. П. Сальков, О. А. Яновский. Минск, 2011. С. 66–83.

⁹² Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. В 2 томах / отв. ред. Г. П. Мурашко. Т. I. 1944–1948 гг. М.; Новосибирск, 1997. С. 708.

⁹³ Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы / ред. Г. М. Адиев и др. М., 1998. С. 460.

⁹⁴ Развернутую критику советской системы содержала, в частности, предвыборная речь Джиласа (предстояли выборы в Народную скупшину) перед белградскими студентами 18 марта 1950 г. (Предизборни говори другова Тита, Карделя, Ранковића, Ђиласа, Кидрича, Пијаде и Нешковића. Београд, 1950. С. 110–126); а также подготовительные материалы к VI съезду КПЮ (СКЮ) (А.И. КРР. П-3-а-1/3, 1/8. Письма Э. Карделя Й. Броз-Тито).

⁹⁵ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 35. П. 144. Д. 12. Л. 43.

чал, что «титовцы не скрывают лозунги и принципы, характерные для буржуазных теоретиков (свободу частной собственности и т. д.)». Справку посольства о торговых отношениях Югославии с западными странами в 1950 г. ее автор начинал с того, что будапештская резолюция Информбюро 1949 г. правильно определяла положение Югославии: страна, «превращенная кличкой Тито в фашистское полицейское государство, потеряла свою государственную независимость и стала добычей англо-американского империализма». Подобный клишированный образ Югославии, которая по воле «титовцев» якобы оказалась после разрыва с Москвой марионеткой в руках Запада, сохранялся долгие годы и стал пересматриваться частично только после смерти Сталина, когда в Кремле было принято решение о нормализации отношений с Белградом⁹⁶. Анализируя югославские реалии, советская сторона долго не признавала действовавшую в стране модель социалистической, считала, что Югославия за годы отчуждения от «социалистического лагеря» превратилась в капиталистическое государство. Так, в начале нормализации двусторонних отношений в адресованной В. М. Молотову записке заведующего IV Европейским отделом МИД М. В. Зимянина от 27 мая 1953 г. «О положении дел в Югославии и о ее внешней политике» внутренняя политика «клик Тито» после разрыва с СССР характеризовалась по-старому, как «реставрация капиталистических порядков в стране», «ликвидация всех демократических завоеваний югославского народа», «фашизация государственного аппарата и армии». Расширение экономических и политических связей с США и Англией, подчеркивал автор, привело страну «к прямой зависимости от них, к вовлечению ее в агрессивные блоки, сколачиваемые англо-американскими империалистами». Переименование КПЮ в СКЮ, исключение из нового устава основных положений, связывавших прежний устав с Уставом ВКП(б), и изменение ее роли в обществе автор записки рассматривал как утрату югославской компартией классового характера (КПЮ «ликвидирована как партия рабочего класса»), о чем в последующие годы Кремль постоянно пытался дискутировать с югославами. Вместе с тем традиционная советская антиюгославская риторика постепенно уступала место новому лексикону, хотя в нем еще отражалось сомнение в социалистическом характере югославского общества. В указанной записке Зимянина отмечалось, что югославское руководство в своих выступлениях, сохраняя антисоветский курс, в последнее время становится сдержаннее, «несколько умерило свой пыл». Перечисляя важные задачи советской политики, дипломат подчеркнул необходимость тщательного изучения изменений, происходящих в Югославии и в ее внешней политике, содействия ослаблению западного влияния в стране и предотвращению создания стратегического плацдарма антисоветской направленности на Балканах⁹⁷. О стойком предубеждении к действиям югославских руководителей и подозрительности к ним как к реальным носителям власти свидетельствовала еще одна справка, составленная в МИД в конце 1953 г. Касаясь вопроса нормализации югославских отношений со своими восточными соседями, ее автор – Б. Яковлев считал, что югославское руководство, прикидываясь другом и защитником этих стран, преследует цель подорвать доверие их народов к СССР и, действуя выборочно, «пытается внести раскол в ряды демократического лагеря»⁹⁸. С момента появления этой записки тема опасного для социалистического блока югославского вмешательства в отношения стран «народной демократии» с СССР становится обязательной составляющей всех последующих советских политических документов. Югославия рассматривается как своего рода «троянский конь» западного империализма, разоблачение политики которого становится основной задачей ВКП(б) и других «братских» компартий.

⁹⁶ Советские оценки югославских реалий и их динамика тщательно проанализированы в: *Едемский А. Б.* Эволюция подходов советского руководства к югославской модели самоуправления. 1950-е – начало 1960-х гг. // Москва и Восточная Европа. Национальные модели социализма в странах региона (1950-1970-е гг.). Формирование, особенности, современные оценки / отв. ред. А. С. Аникеев. М., 2020. С. 141–160.

⁹⁷ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. II. 1949–1953 гг. М., 1998. С. 906, 908, 913.

⁹⁸ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 39. П. 162. Д. 45. Л. 57.

Общий тон изложения югославской политики и ее характеристики почти не меняются и год спустя. Весной 1954 г. в очередной записке, подготовленной в МИД, говорится о том, что Белград при помощи американцев готовит агрессию против СССР и стран «народной демократии». Возможно, что, помимо прочих факторов, авторы учитывали и личное неприятие Молотовым произошедших в Югославии перемен. Отсюда и жесткость формулировок. Советской дипломатии предлагалось занять активную позицию в вопросе нормализации, постараться, как и в начальной фазе конфликта, изолировать «титовцев» в югославском руководстве и оказать «известную морально-политическую поддержку подлинно революционным и демократическим элементам, борющимся против режима Тито в Югославии»⁹⁹. Отвечая на подобные установки, Тито заявил на 4-м пленуме ЦК СКЮ, что «восток» напрасно ожидает раскаяния и «возвращения» югославов: «Могу заявить во весь голос, что он ошибается и что мы этого никогда не сделаем»¹⁰⁰. Следует отметить, что такой модус взаимоотношений – надежда Москвы на возвращение Югославии в «дружную семью» «народных демократий» и ответ Белграда, что этого никогда не будет, – сохранялся с того времени на протяжении всего периода существования ВКП(б)/КПСС и СКЮ, Югославии и Советского Союза.

Состоявшийся в июне 1955 г. визит Н. С. Хрущёва в Югославию и восстановление межгосударственных отношений не стали завершением дискуссии в Кремле о том, какой же общественный строй установлен в этой стране. В июле того же года на пленуме ЦК, где подводились итоги визита, Молотов отрицал наличие серьезной базы для нормализации межпартийных связей и утверждал, что с Югославией надо налаживать отношения как с обычным буржуазным государством, а «беспринципное примирение приведет к размыванию социалистического лагеря». По его мнению, уступки Белграду в идеологической сфере означали бы отход от ленинских принципов и подвергли бы сомнению необходимость иметь единый для всего коммунистического движения центр¹⁰¹. Однако в докладе Хрущёва содержались иные оценки ситуации в Югославии. Сообщая о впечатлении, которое произвело на советскую делегацию знакомство с социально-экономической жизнью Югославии, Хрущёв отметил, что в стране сохранилась общественная собственность во всех сферах экономики и финансов, не была осуществлена денационализация промышленности, ранее национализированная собственность не возвращена иностранным владельцам. Удельный вес частного сектора, представленного кустарным производством и мелкими торговцами, не превышает 10 %. Вместе с тем вопрос «кто кого» в югославской деревне, где доминирует мелкотоварный сектор, как отмечалось в докладе, «далеко не решен». Что касается реформ югославской экономики и методов управления ею, то, по сообщению Хрущёва, делегаты решили не высказывать во время визита никаких критических замечаний. Не получили развернутых комментариев эти вопросы и в докладе советского руководителя на пленуме. В целом, констатировав, что «основные средства производства являются общественными, а государственная власть находится в руках рабочего класса и трудящегося крестьянства», Хрущёв озвучил главный вывод: «По экономической структуре и по классовой природе государственной власти Югославию нельзя отнести к государству буржуазного типа»¹⁰²

⁹⁹ Там же. П. 157. Д. 6. Л. 39.

¹⁰⁰ Там же. П. 159. Д. 23. Л. 89.

¹⁰¹ Волков В. К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 161.

¹⁰² Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. Постановления. 1954–1958. М., 2006. С. 64; Југославија – СССР. Сусрети и разговори на највишем нивоу руководиоца Југославије и СССР. 1946–1980 // АЈ, Милошевић Миладин. Т. 1. 1946–1964. Београд, 2014. С. 182–183.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.